Годъ шестьдесятъ второй. 1 января 1900 г.

НИЖЕГОРОДСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

(ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ)

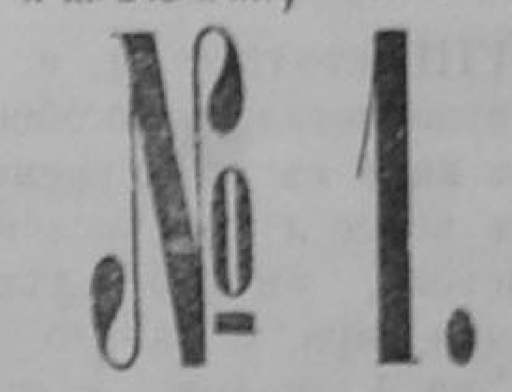
ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА, ВЫХОДИТЪ ПО СРЕДАМЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на неоффиціальную часть „Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостей" въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ доставкой и пересылкой въ другіе города: 4 р. за годъ и 2 р. 50 к. за полгода.

Подписка принимается: въ типографіи губернскаго правленія, у г. нижегородскаго полиціймейстера и у гг. уѣздныхъ исправниковъ.

За помѣщеніе частныхъ объявленій взимается: впереди текста 20 к., позади текста 10 к. со строки петита, въ одну колонку, за одинъ разъ. Въ розничной продажѣ аз № неоф. части 10 к., а вмѣстѣ съ оффиц. частью 20 к.



№ 1.

Телефонъ редакціи и типографіи № 330.

Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ редакцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются безплатными. Всѣ же прочія—оплачиваются соотвѣтствующимъ гонораромъ.

Статьи, признанныя неудобными для печатанія, не возвращаются.

Статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и измѣненію.

Личныя объясненія съ редакторомъ ежедневно (кромѣ праздничныхъ дней) отъ 10 до 12 ч. дня въ редакціи „Нижегор. Губ. Вѣд"., въ кремлѣ, въ зданіи губернской типографіи.

ОТЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ

Нижегородскаго Ярмарочнаго Комитета.

Согласно постановленія Ярмарочнаго Комитета отъ 3 декабря сего года, имѣю честь довести до свѣдѣнія г. г. облигаціонеровъ Нижегородскаго Ярмарочнаго Комитета, что уплата °/о°/о по купонамъ облигацій на срокъ 2 января 1900 г. будетъ производиться въ Правленіи Волжско-Камскаго Банка въ С.-Петербургѣ и въ отдѣленіяхъ его въ Москвѣ и Н.-Новгородѣ, куда Комитетомъ уже препровождена потребная для сего сумма, причемъ слѣдуемый сборъ отъ денежныхъ капиталовъ будетъ удерживаться Банкомъ при предъявленіи купоновъ.

3—2.

Нижній-Новгородъ, 1-го января.

Сегодня—знаменательный день въ нашей жизни: съ нынѣшняго дня наступилъ новый годъ.

Мы не вѣдаемъ, какое грядущее сулитъ намъ новый годъ. Что мы оставили позади себя въ прошломъ, безпристрастно скажетъ исторія, но и тутъ, несмотря на тѣсныя рамки настоящей статьи, мы не можемъ обойти молчаніемъ величайшаго міроваго событія, совершившагося въ концѣ XIX столѣтія. Мы говоримъ о гаагской мирной конференціи, починъ которой всецѣло принадлежитъ русскому Царю. Какъ символъ и залогъ народнаго блага и счастья, великая идея мира, заповѣданная Христомъ, положенная въ основу святого дѣла, душою котораго является русскій Монархъ, а рядомъ—тѣ безчисленныя бѣдствія и зло, которое несетъ война, сами за себя говорятъ о значеніи величайшаго событія, коимъ является гаагская конференція.

Встрѣчая новый годъ, мы, труженики печатнаго слова, обязаны прежде всего коснуться „наболѣвшаго" вопроса, какимъ является вообще наша сфера дѣятельности и въ частности тотъ тяжелый и тернистый путь, по которому приходиться всю жизнь идти газетному работнику. Въ настоящей ограниченной статьѣ не мѣсто и не время говорить объ условіяхъ, тормозящихъ здоровое развитіе печатнаго слова, но..... мы хотимъ вѣрить въ лучшее будущее этого слова.

Надежду и глубокую вѣру прежде всего далъ намъ Великій Создатель гаагской конференціи—Государь Императоръ Николай II, признавъ указомъ 14 января 1895 г. тружениковъ печатнаго слова вѣрными и полезными слугами Престола и Отечества.

Слѣдуетъ также помнить фактъ, признанный правительствомъ и всѣмъ просвѣщеннымъ обществомъ, что печать—лучшій помощникъ правительства.

Необходимо отмѣтить, что русское общество, научившееся цѣнить заслуги печатнаго слова, теперь уже требуетъ отъ него правдиваго и всесторонняго освѣщенія жизни и ея явленій, событій и т. п., а между тѣмъ печать не властна удовлетворить такое требованіе.....

Печатному слову, поставленному въ извѣстныя условія, приходится съ величайшимъ трудомъ пробиваться къ свѣтлому пути, а печать только на этомъ пути можетъ явиться вѣрной помощницей правительству во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, направленныхъ къ народному благу. Только при этихъ условіяхъ могутъ сами собой рухнуть всѣ загражденія, стоящія на пути лучшихъ задачъ и стремленій печати (особенно провинціальной); тогда не будетъ недосказанныхъ рѣчей, полусвѣта, недомолвокъ, туманныхъ тенденцій и т. п., словомъ—не будетъ того вопіющаго зла, за которое теперь справедливо укоряетъ общество, такъ чутко относящееся къ голосу печати.

Великая миссія печати—стремленіе къ свѣту и правдѣ. На этомъ пути мы желаемъ печатному слову всякихъ успѣховъ.

Горячо привѣтствуемъ и всѣхъ тружениковъ печатнаго слова, несущихъ на себѣ тяготы тяжелаго, но святого дѣла. Съ Новымъ годомъ!

Съ новогодними привѣтствіями тѣсно связаны „лучшія пожеланія", между которыми первое мѣсто занимаетъ желаніе *счастья*.....

Счастье, говорятъ, безконечно растяжимое понятіе, т. е., другими словами сказать, счастье представляетъ всякій по-своему, хотя большинство, къ сожалѣнію, счастье видятъ единственно въ богатствѣ, вопреки мудрыхъ поговорокъ, освященныхъ вѣками, что „счастье не въ богатствѣ", что больше всего льются слезы отъ золота..... и т. д.

И въ самомъ дѣлѣ, что такое богатство, какъ ни грандіозная ложь, ложь отъ начала до конца. Рушится богатство, рушится и это призрачное, мишурное *счастье*. Увлеченный ложнымъ положеніемъ, которое создаетъ богатство, властной силой и могуществомъ, которыя лживо приписываютъ богатству, богачъ забываетъ весь міръ или же смотритъ на него, какъ на предметъ удовлетворенія своихъ недостойныхъ страстей. Если у богача существуетъ связь съ живымъ міромъ, приближающая его къ истинно человѣческимъ идеаламъ, то эта связь, казалось бы, заключается въ дѣлахъ благотворительности. Но въ большинствѣ случаевъ святое дѣло благотворительности является у б-

гача такимъ отвратительнымъ, пропитаннымъ такой ложью, что о святости тутъ не можетъ быть рѣчи, словомъ, самая жертва богача является обычной, бездушной и легкой формой благотворительности. Для богача нѣтъ ничего легче, какъ взять и выбросить рубль, другой, сотни и т. д. Богачъ такимъ образомъ и поступаетъ, преслѣдуя двоякую цѣль: или, по выраженію Островскаго, чины, ордена и деревни съ пустошами или прокричать на весь свѣтъ о своихъ благотворительныхъ подвигахъ. Въ то же самое время богачъ, бросая рубль, ехидно и втихомолку снимаетъ съ ближняго послѣднюю рубашку, чтобы превратить ее въ золото, и достигаетъ *своего* счастья,— проклятаго и лживаго счастья. Всю жизнь онъ, не замѣчая этого, задыхается воздухомъ, пропитаннымъ золотомъ, золото послужитъ ему гробовой доской, золото ляжетъ тяжелымъ камнемъ надъ его могилой, не давъ извѣдать ему о томъ, что и на землѣ существуетъ иное, *истинное* счастье ....

Гдѣ же оно, это истинное счастье?

Въ мірѣ слезъ, скорбей, людского горя, обездоленныхъ, въ больницѣ, въ тюрьмѣ въ холодной и голодной губерніи, у буровъ, подъ кровлей развалившейся избы, въ ночлежномъ домѣ и т. д., и т. д. Помимо посильныхъ жертвъ несите туда хоть капельку своего сердца, своего внутренняго міра. Только душевное участіе въ горѣ ближняго можетъ дать вамъ высшее нравственное удовлетвореніе, духовное благо, недоступное богачу, привыкшему мѣрить добро на вѣсъ золота, и это благо откроетъ путь истинному счастью.

Отъ всего сердца желаемъ этого счастья всѣмъ, всему человѣчеству.

Надняхъ получено свѣдѣніе, что русскій отрядъ Краснаго Креста, выѣхавшій въ Трансвааль на помощь бурамъ, приближается къ мѣсту своего назначенія. Такимъ образомъ горсточка русскихъ людей, наши братья и сестры, идущіе на великое и святое дѣло, встрѣтятъ новый годъ на далекой чужбинѣ.

Пожелаемъ нашимъ роднымъ подвижникамъ полнаго успѣха въ ихъ тяжеломъ и свѣтломъ подвигѣ.



Празднованіе начала XVIII и XIX столѣтій.

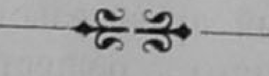
(Историческая справка).

Въ Россіи празднованіе новыхъ столѣтій совершалось только два раза въ 1700 и 1800 годахъ.

Въ декабрѣ 1799 года с.-петербургскій архіепископъ Амвросій предписалъ столичному духовенству: „наступающаго 1800 года генваря 1-го числа" начать благовѣстъ во всѣхъ церквахъ ко всенощной въ полночь и отправлять служеніе соборнѣ, такъ-же какъ и литургію, и послѣ нихъ служить благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, руководствуясь при этомъ изданной въ 1789 г. въ Москвѣ книжкой „Послѣдованіе молебныхъ пѣній", съ тѣмъ, однако, чтобы въ ектеніяхъ и молитвѣ, вмѣсто словъ „новое лѣто", произносить „новое столѣтіе". Въ то же время было приказано, въ теченіе трехъ дней, производить перезвонъ во всѣхъ церквахъ и соборахъ послѣ обѣдни и до вечерни.

Начало XVIII столѣтія, т. е. наступленіе 1700 года праздновалось особенно торжественно, такъ какъ съ этого времени въ Россіи вводилось новое лѣтоисчисленіе отъ Рождества Христова, вмѣсто лѣтоисчисленія отъ сотворенія міра, и начало новаго года переносилось на 1 января, какъ это было уже въ западной Европѣ. Желая возможно лучше запечатлѣть это событіе въ народной памяти, Петръ Великій, въ то время, царь Петръ Алексѣевичъ, установилъ слѣдующій порядокъ празднества. Наканунѣ новаго года въ Москву привезено было множество ельника, которымъ москвичи должны были украшать свои дома и улицы. Въ полночь во всѣхъ столичныхъ церквахъ началась всенощная. Утромъ 1 января къ началу литургіи въ Успенскомъ соборѣ на Ивановской площади передъ соборомъ были собраны всѣ находившіяся тогда въ столицѣ войска, пришедшія на мѣсто парада съ распущенными знаменами и съ музыкою. Государь самъ командовалъ войсками. Служеніе въ Успенскомъ соборѣ совершалъ митрополитъ Трифилій со всѣми бывшими тогда въ Москвѣ архіереями. При возглашеніи многолѣтія Царствующему Дому, во всѣхъ церквахъ Москвы начался колокольный звонъ, а отъ войскъ—пушечная пальба и ружейные залпы.

Царь Петръ Алексѣевичъ поздравлялъ всѣхъ съ новымъ годомъ и въ свою очередь отъ всѣхъ принималъ подобное же поздравленіе. При Дворѣ былъ парадный обѣдъ, а вечеромъ былъ и ужинъ, а для народа были устроены тріумфальныя ворота и около нихъ разныя яства, а также чаны съ виномъ и пивомъ. Вечеромъ улицы и дома были иллюминованы.



ЛЕГЕНДА.

Ночь. Зима. Далекій мѣсяцъ
Съ голубыхъ небесъ
Обливалъ спокойнымъ свѣтомъ
Старый хвойный лѣсъ.
Легъ пушистой пеленою
Мягкій снѣгъ кругомъ.
Тишь. Столѣтній боръ сосновый
Спалъ глубокимъ сномъ.
Серебрился иней нѣжный
На сукахъ вѣтвей
И искрился огоньками
Мѣсячныхъ лучей.
Надъ сугробомъ, что высоко
Намела митель,
Возвышалась одиноко
Молодая ель.
Не спала она одна лишь...
Стихъ уснувшій боръ
И она тоскливо къ небу
Подняла свой взоръ.
— „Богъ, создавъ меня, обидѣлъ,
Говорила ель:—
Я всегда одна и та-же
Лѣтомъ и въ митель.
Въ лѣтній полдень, накаляясь,
Зноенъ и глубокъ,
Все мнѣ лѣто безпощадно
Корни жжетъ песокъ.
Опаленная лучами,
Я одна стою
И прохладной, животворной
Тѣни не даю.
Суждено мнѣ одинокой
Видѣть цѣлый вѣкъ
Утомленныхъ пѣшеходовъ,
Слышать скрипъ телѣгъ.
Подойдетъ-ли осень, вѣтеръ
Злобно вѣтви рветъ
И зловѣще, колыхаясь,
Боръ реветъ, гудетъ.
Вслѣдъ за осенью сѣдая
И зима прійдетъ
И къ землѣ тяжелымъ снѣгомъ
Вѣтви мнѣ пригнетъ.
А когда на крыльяхъ нѣги,
Весела, юна,
Тихо спустится на землю
Ясная весна,
И когда кусты, деревья
Всюду оживутъ
И, одѣвшись ярко въ зелень,
Снова расцвѣтутъ,
И зальются въ кущахъ листьевъ
Трелью соловьи,
Зажурчатъ изъ-подъ кореньевъ
Вешніе ручьи,—
Я, какъ прежде, одиноко
Та-же все стою,—
Мнѣ весна листву не смѣнитъ
Старую мою...
И стою я, точно нищій,
Тихо прикорнувъ,
Въ старый мой нарядъ колючій
Тѣло завернувъ,
И зачѣмъ судьбѣ неровно
Такъ дары дѣлить?
Безнадежно—монотонно—
Грустно вѣкъ прожить"!..
Но едва лишь замолчала
Молодая ель,
Закружилась съ бурнымъ вихремъ
Вкругъ нея мятель.
Стонетъ вьюга и высоко,
Будто осердясь,
На своихъ косматыхъ крыльяхъ
Въ небеса взвилась.
И, о чудо!—вслѣдъ за нею,
Оставляя высь,
Стали звѣзды золотыя
Опускаться внизъ.
Закружились, будто пчелокъ
Золотистый рой,
И усѣяли всѣ вѣтви
Ели молодой.
Улыбнулся мѣсяцъ ясный
Съ голубыхъ небесъ...
Озарился чуднымъ свѣтомъ
Старый хвойный лѣсъ.
—„Ропотъ твой, сказали звѣзды,
Вѣтеръ намъ принесъ.
Въ эту ночь на счастье міра
Родился Христосъ!
Онъ слова твои услышалъ,—
Полныя мольбы.
Знай, что въ мірѣ есть Спаситель,
Выше злой судьбы.
Не сверкали въ звѣздахъ ясныхъ
Ели встарину.
Отличилъ отъ всѣхъ деревьевъ
Онъ тебя одну!".
И пошла молва про это
По землѣ кругомъ
И съ тѣхъ поръ вошло въ обычай
Въ ночь предъ Рождествомъ

Зажигать повсюду елки,
Какъ гласитъ молва,
Со звѣздами золотыми
Въ память Рождества.

Алексѣй Бутовскій.



Волжскіе переселенцы

(Святочный разсказъ.)

Прошло много лѣтъ послѣ *той* исторіи, а герой ея Григорій Павловичъ Запорожный, какъ живой стоитъ передъ моими глазами.....

О, если бы я былъ художникъ!

Я нарисовалъ бы портретъ Запорожнаго, а затѣмъ представилъ бы въ картинахъ и самую исторію, и дѣлу конецъ, и тѣмъ бы ограничилась моя роль. А теперь вмѣсто кисти приходится писать картины, и портретъ и всю *эту исторію* перомъ,—работа въ высшей степени неблагодарная и тяжелая, особенно для тѣхъ, кто не обладаетъ талантомъ гр. Толстого, который, какъ извѣстно, въ искусствѣ владѣть перомъ не имѣетъ соперниковъ: онъ не только художественно пишетъ перомъ портреты людей и ихъ жизнь, но онъ не менѣе художественно пишетъ животныхъ. Полюбуйтесь, напримѣръ, какъ онъ написалъ Мухортаго! даже болѣе—съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ, съ помощью пера, бумаги и чернилъ онъ сумѣлъ передать даже звуки, которые издавалъ этотъ скромный и молчаливый герой безсмертнаго произведенія «Хозяинъ и работникъ»—Мухортый въ припадкѣ благодушнаго настроенія, словомъ—въ тѣ блаженныя и рѣдкія минуты, когда онъ чувствовалъ особенный подъемъ доховныхъ силъ.

Гдѣ же намъ, скромнымъ и захолустнымъ бытописателямъ, съ менѣе крупнымъ дарованіемъ и съ болѣе узкимъ кругомъ «поэтическихъ идей», писателямъ, о которыхъ еще Щедринъ говорилъ, что они семь лѣтъ подъ хомутиной стояли, вообразивъ, что эта хомутина—цѣлый легіонъ злѣйшихъ враговъ,—и гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, намъ, людямъ пришибленнымъ и запуганнымъ дойти въ своемъ писаніи до такой виртуозности и приблизиться хотя бы къ подножію того Олимпа, на которомъ возсѣдаютъ такіе литературные геніи?

А если бы обладалъ многопрославленнымъ талантомъ др. генія—напр. Чубатапенко? О, Боже-жъ мой, Боже, что изъ этого вышло!... Я написалъ-бы Макара, картинно и художественно описалъ тотъ поэтическій и заманчивый край, гдѣ Макаръ исправляетъ рога, и тогда бы.... Или, впрочемъ, нѣтъ,— я написалъ бы въ «Листкѣ» о вліяніи звуковъ Іерихонской трубы на слуховые органы слабонервныхъ, въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» о путеводителѣ по небу, въ «Саратовскомъ Вѣстникѣ» обѣщалъ написать, въ «Самарскомъ Лист.» далъ разрѣшеніе помѣстить свое имя въ число сотрудниковъ, въ Астраханской газетѣ— о „калмыцкой тлѣ", въ Костромской газетѣ—о томъ, что злѣе зла, въ Тверской—тоже о злѣ, въ „Нов. Вр."—тоже о злѣ, а затѣмъ въ „Новостяхъ" тоже о злѣ, и такъ до тошноты и т. д. и т. д., и когда бы мое имя появилось на страницахъ 47 россійскихъ газетъ, геній готовъ! И хватись за него, какъ говоритъ Островскій, и лети какъ по желѣзной дорогѣ, и чины, ордена и деревни съ пустошами..... духъ захватываетъ! И пошла бы слава по Волгѣ и по всему лицу земли родной.....

А если бы я былъ талантливъ, какъ кн. Мещерскій?.....

Но, впрочемъ, довольно о геніяхъ и талантахъ.

Передо мной прямая дорога простого литературнаго работника, а извѣстно, что прямая дорога простого литературнаго работника не выводитъ въ геніи...

Я только, усердно прошу читателей отнестись къ моей неблагодарной работѣ снисходительно и.... «полюбить насъ черненькими»....

Да, Григорій Павловичъ Запорожный какъ живой стоитъ передъ моими глазами.

Впрочемъ, я не буду забѣгать впередъ и постараюсь излагать свое повѣствованіе въ систематическомъ порядкѣ, что требуютъ не только обыкновенные литературные пріемы, но и такіе міровые мыслители, какъ К. Прутковъ, Бокль, Спенсеръ, Шопенгауеръ и др., что, наконецъ, требуетъ простая житейская опытность.

Начну съ портрета.

Запорожный былъ мужчина лѣтъ подъ 30-ть, средняго роста, коренастый, съ громадными усами, которые, какъ у истаго хохла, торчали внизъ; во взглядѣ большихъ синихъ глазъ его было что-то теплое, сердечное; длинные свѣтло-русые волосы были зачесаны всегда тщательно и въ одну сторону. Въ общемъ онъ много своимъ лицомъ и внѣшностью напоминалъ Т. Г. Шевченко.

По своимъ душевнымъ качествамъ Запорожный принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ идеальнымъ людямъ, которыми такъ бѣдна вторая половина XIX в.,—мягкій, впечатлительный, отзывчивый на всякое доброе дѣло, онъ не избѣгалъ общества, напротивъ, любилъ его, но нерѣдко искалъ случая сосредоточиться, пожить созерцательной жизнью, исключительно своимъ внутреннимъ міромъ. Онъ любилъ природу, приходилъ въ восторгъ при видѣ обыкновенной деревенской картинки, гдѣ зелень и вода играли первенствующую роль, наслаждался, слушая шелестъ листьевъ и журчаніе ручейка, по цѣлымъ часамъ сосредоточенно смотрѣлъ на синее звѣздное небо, наблюдалъ подолгу вечерній перелетъ птицъ...

Запорожный даже не смѣялсля, а только улыбался беззвучно, и улыбка у него выходила какая-то тихая, меланхолическая.

Происхожденіе свое Григорій Павловичъ тщательно скрывалъ, хотя всѣ прекрасно знали, что самъ онъ считаетъ прямымъ родоначальникомъ своимъ Мазепу.

— Историческій человѣкъ, но позорнѣйшая личность,—говорилъ самъ Григорій Павловичъ про своего родоначальника.

Запорожнаго крѣпко любило общество Захолустнаго губернскаго города, гдѣ онъ жилъ, и охотно прощало ему недостатокъ, о которомъ мы скажемъ ниже.

Извѣстно, что несмотря на просвѣщенный вѣкъ, который мы переживаемъ, на то, что наше необъятное отечество покрылось сѣтью желѣзныхъ дорогъ, у насъ все же и теперь существуютъ „захолустныя" губерніи, о которыхъ кн. Мещерскій еще недавно писалъ цѣлые трактаты; онъ даже съ свойственнымъ ему талантомъ знакомилъ читателей „Гражданина", какъ въ Петербургѣ фабрикуются губернаторы и вице-губернаторы спеціально для захолустныхъ губерній. Однако, въ описываемое время въ Захолустной губерніи, о которой идетъ рѣчь, былъ вовсе не „спеціальный" губернаторъ, а самый обыкновенный смертный, старый боевой генералъ.

Александръ Павловичъ Дегай,—такъ звали губернатора, у котораго Запорожный служилъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій,—представлялъ собой по внѣшности— грознаго вояку, по своимъ душевнымъ качествамъ добрѣйшаго, сердечнаго и милаго человѣка. Съ Запорожнымъ онъ встрѣтился также случайно, какъ самъ, Григорій Павловичъ случайно попалъ въ Захолустный городъ, гдѣ ему досталось небольшое имѣніе послѣ смерти дальняго родственника. Запорожный, по окончаніи курса въ академія художествъ, пріѣхалъ въ Захолустный городъ и скоро спустилъ имѣніе, ибо по своей душевной простотѣ и сердечной добротѣ не могъ этого не сдѣлать. Онъ именно это сдѣлалъ и сдѣлалъ съ такой быстротой, съ какой дѣлаютъ фокусы—виртуозы: не успѣлъ еще Григорій Павловичъ получить послѣднихъ документовъ по вводу во владѣніе, какъ оказалось, что имѣніе принадлежитъ уже извѣстному крезу —содержателю питейныхъ заведеній въ доброй половинѣ Захолустной губерніи.

Пріѣхалъ Запорожный въ губернскій городъ съ смутными надеждами найти источникъ существованія въ работѣ кистью, но спросъ на художественныя работы въ Захолустномъ городѣ былъ ничтоженъ. Хотѣлъ было Запорожный открыть „студію вольныхъ художниковъ", но въ высшихъ сферахъ отвѣтили, что Захолустный городокъ не нуждается въ подобномъ учрежденіи, а мѣстное начальство прямо-таки отказало, не стѣсняясь мотивировать свой отказъ тѣмъ, „что въ нашемъ городѣ и безъ того немало разныхъ вольныхъ художниковъ".

Такимъ образомъ Григорій Павловичъ очутился въ роли рака на мели. Впрочемъ, въ иной роли онъ кажется и не могъ быть никогда; таковы были врожденныя качества этого человѣка, что онъ при всякой встрѣчѣ съ нуждой испытывалъ милліонъ терзаній, если не могъ оказать никакой помощи.

— Григорій Павловичъ, бывало обращается къ нему кто нибудь изъ знакомыхъ,— выручайте, во какая нужда,—и говорившій дѣлалъ энергическій жестъ, показывая на горло вѣроятно въ знакъ того, что ему готовится петля.

Запорожный прекрасно понималъ значеніе этого жеста и мучительно думалъ: „Господи, чѣмъ же я помогу?... и утилизировать нечего"...

Онъ безпомощно смотрѣлъ кругомъ, вздыхалъ, крутилъ свои запорожскіе усы и наконецъ останавливалъ свой глубокомысленный взглядъ на разныхъ принадлежностяхъ своего туалета, и какъ-бы отвѣчая на свои мысли, говорилъ:

— Нѣтъ, какъ же это?... Вѣдь мнѣ тогда нельзя будетъ выйти.. Нѣтъ, неудобно, неудобно... могутъ заподозрить, что я того... Совсѣмъ свихнулся. Что нибудь придумаемъ, непремѣнно придумаемъ...

И если онъ ничего не придумывалъ, то, значитъ, ему много приходилось пережить тяжелыхъ минутъ и часовъ.

Въ описываемый періодъ сидѣнія на мели, Запорожный случайно встрѣтился съ генералъ-губернаторомъ Захолустной губерніи. Эта встрѣча повела къ тому, что Запорожный, уступая усиленнымъ просьбамъ генерала, поступилъ на коронную службу.

Старый идеалистъ генералъ скоро и крѣпко полюбилъ Григорія Павловича за его благородный образъ мыслей, безграничную доброту, безупречную честность и прямоту, поражающихъ своими контрастами съ тѣмъ холопско-чернильнымъ, чиновническимъ духомъ, которымъ были проникнуты „всѣ губернаторскіе", словомъ—Дебай видѣлъ въ Запорожномъ олицетвореніе своихъ излюбленныхъ идеаловъ—рыцарства, правды и т. п.

Наконецъ и въ самомъ характерѣ Запорожнаго и генерала существовали такія качества, которыя искупали взаимно недостатки другъ друга. Генералъ былъ вспыльчивъ, а въ такомъ состояніи, теряя подъ собой почву, человѣкъ, какъ извѣстно, близокъ къ тому, чтобы сдѣлать ошибку. Запорожный—всегда тихій и ровный, старался утишать страсти, сохраняя полное спокойствіе. И этимъ онъ всегда достигалъ цѣли:

бури утихали и все принимало характеръ мирнаго теченія.

Генералъ былъ немножко педантъ, стараясь крѣпко стоять на почвѣ „законности"; Запорожный былъ непоколебимъ, поражая генерала реальной правдой и стараясь вызвать чувство справедливости. Наконецъ оба были уроженцы южныхъ губерній — земляки, оба были безродные, бобыли.

— Мы съ Григоріемъ Павловичемъ старые холостяки.

Такъ говорилъ генералъ, несмотря на то, что онъ былъ старше Запорожнаго бобѣе, чѣмъ на 30 лѣтъ.

Помимо всего этого генералъ высоко цѣнилъ таланты и многостороннія способности Запорожнаго.

— Это, батюшка, у меня не чиновникъ особыхъ порученій,—говорилъ нерѣдко генералъ,—а энциклопедистъ, настоящій энциклопедистъ.

Если въ дѣйствительности Григорій Павловичъ не былъ энциклопедистъ, то во всякомъ случаѣ его способности, о которыхъ ниже скажемъ подробнѣе, были многосторонни. Одно только ему не давалось: составленіе рапортовъ, донесеній, порученій, предписаній и т. п., словомъ, всего того, что носило характеръ канцелярскаго бумагомаранія. Читая бумаги, составленныя Запорожнымъ, правитель канцеляріи приходилъ въ ужасъ. Впрочемъ, генералъ относился снисходительно къ этой слабости своего чиновника особыхъ порученій и даже освободилъ его отъ всякихъ канцелярскихъ работъ.

Впрочемъ, генералъ скоро долженъ былъ освободить Запорожнаго еще отъ одной миссіи, которая представлялась для него крайне тяжелой и несимпатичной: дознанія по многочисленнымъ операціямъ, которыя производили чины полиціи въ городѣ и въ уѣздѣ. Это освобожденіе произошло слѣдующимъ образомъ. Послѣ нѣсколькихъ дознаній, произведенныхъ Запорожнымъ, виновныхъ не оказалось. Это обстоятельство огорчило и удивило генерала. Случилось, однако, такъ, что по одному изъ этихъ дѣлъ генералъ, во время своихъ обычныхъ ревизій, произвелъ дознаніе самъ, при чемъ были на лицо и виновные, и улики. Слѣдовало оформить дознаніе Съ этой цѣлью опять былъ командированъ Запорожный, послѣ чего дѣло представилось въ такомъ видѣ, что улики и виновные точно провалились сквозь землю. Но всего поразительнѣе было то, что, несмотря на тщательные поиски, самъ генералъ, ужъ, не могъ отыскать виновныхъ.

— И самъ не понимаю, какъ все это случилось.... говорилъ онъ, разводя руками.

Между губернаторомъ и чиновникомъ особыхъ порученій послѣдовало объясненіе.

— Григорій Павловичъ, скажите, Бога ради, куда вы дѣли виновныхъ?

— Какихъ виновныхъ?.... Да помилуйте, ваше превосходительство, по этому дѣлу никакихъ виновныхъ не было.

Генералъ долго смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Да вы, кажется, ни по одному дѣлу не открыли виновныхъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство, я собственно никогда не найду и въ будущемъ....

— Позвольте, Григорій Павловичъ, какъ же въ будущемъ, значитъ, вы отрицаете и преступленіе, и преступность?

Генералъ не то смущенно, не то растерянно смотрѣлъ на своего любимца въ ожиданіи отвѣта.

— Преступленія безспорно существуютъ,— началъ Запорожный послѣ нѣкотораго молчанія, но преступниковъ нѣтъ, ваше превосходительство. Это мое личное убѣжденіе, которое можно оспаривать и надъ которымъ, если хотите, можно смѣяться. Тѣмъ болѣе я нахожу такое убѣжденіе справедливымъ, что, раздѣляя и сочувствуя вашему просвѣщенному и гуманному взгляду, я старался въ каждомъ преступленіи находить правду, идеальную правду, а при такихъ условіяхъ и возрѣніяхъ на преступленіе преступниковъ не существуетъ. Преступники не родятся, ихъ создаетъ жизнь, значитъ, нужно устроить людскую жизнь иначе, нужно создать новое поколѣніе людей, которые....

И Запорожный, не обладая даромъ краснорѣчія, на этотъ разъ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и жаромъ долго развивалъ передъ генераломъ свои теоріи и мысли въ этомъ направленіи. Генералъ слушалъ съ нескрываемымъ волненіемъ, изумлялся и мысленно говорилъ:

— Сектантъ, положительно какой-то сектантъ этотъ Запорожный...... Однако это обстоятельство нисколько не нарушило прекрасныхъ отношеній, существовавшихъ между губернаторомъ и его чиновникомъ особыхъ порученій, напротивъ, оно еще больше возвысило послѣдняго въ глазахъ перваго. Только съ этого времени „особыя порученія" приняли нѣсколько иное направленіе, и Запорожному поручалось производство тѣхъ дознаній, гдѣ виновные отсутствовали.

— —

Въ Захолустный городъ ожидались высокопоставленныя особы, къ пріѣзду которыхъ явилась необходимость приготовить историческій очеркъ, описаніе достопримѣчательностей города и т. п.

Послѣ самыхъ тщательныхъ розысковъ въ Захолустномъ городѣ ничего „исторически-этнографическаго" не нашлось, за исключеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ статей историческаго характера, нѣсколькихъ строкъ у Карамзина, который, ссылаясь на лѣтописца, говорилъ, что Захолустный городъ, основанный татарскимъ ханомъ Рэджей, перешелъ въ руки русскихъ въ царствованіе Іоанна Грознаго. Генералъ обращался и въ статистическій комитетъ, и въ мѣстную ученую архивную комиссію, но первый ничего не могъ дать, кромѣ самыхъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній, составленныхъ волостными писарями, о количествѣ въ губерніи свиней и др. домашнихъ животныхъ, а архивная комиссія извлекла изъ нѣдръ архива произведеніе почтеннаго автора—протоіерея мѣстнаго собора о томъ, кому именно принадлежитъ голенище, найденное при раскопкахъ, произведенныхъ членами комиссіи,—Тамерлану или Батыю? Это произведеніе было торжественно поднесено генералу, какъ почетному предсѣдателю комиссіи. Генералъ кланялся, благодарилъ, но послѣ не преминулъ высказать въ интимномъ кружкѣ сожалѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ порицаніе по адресу тѣхъ, кому надлежитъ это вѣдать, что Захолустная губернія—единственная губернія въ Россіи, которая не имѣетъ своей исторіи.

Генералъ былъ близокъ къ отчаянію.

— Срамъ, истинный срамъ,—говорилъ онъ растерянно,—что мы будемъ дѣлать?.... Хорошо еще, что у насъ нѣтъ ни газетъ, ни корреспондентовъ, а то осрамились бы на всю Россію.

Былъ созванъ экстренный совѣтъ, на который приглашены были не только „ученые" въ образѣ учителей, членовъ статистическаго комитета, археологической и ученой архивной комиссіи, но и неученые, просто— диллетанты. Совѣтъ долженъ былъ разрѣшить вопросъ: какимъ образомъ найти или создать исторію Захолустнаго края. Но исходъ этого совѣта, сверхъ всякаго ожиданія, былъ печальный... На совѣтъ попали два совершенно противоположные лагеря, между членами которыхъ шелъ постоянный антагонизмъ со дня основанія обществъ, къ которымъ они принадлежали. Члены ученой архивной комиссіи и археологической комиссіи считались исконными врагами и между ними, если они случайно сходились вмѣстѣ, нерѣдко происходили такіе споры, которые иногда оканчивались оскорбленіемъ не только словами, но даже и дѣйствіемъ. Нѣчто подобное произошло и на этотъ разъ. Когда происходившій на совѣтѣ гомонъ, отъ котораго и въ ушахъ, и головѣ получается такое же впечатлѣніе, какъ и отъ сильнаго угара, достигъ своего апогея, то два враждующіе члена, послѣ взаимныхъ препирательствъ и перебранки, нанесли другъ другу оскорбленіе, равносильное оскорбленію дѣйствіемъ: каждый изъ нихъ, какъ-бы по взаимному соглашенію, поднесъ къ лицу другъ-друга фигуру, изящно сложенную изъ трехъ пальцевъ и долженствующую изображать извѣстный фруктъ. Послѣ такого инцидента совѣтъ въ нѣмомъ молчаніи немедленно разошелся.

Такъ печально кончилась первая попытка составить „свою исторію" Захолустнаго города Когда объ этомъ инцидентѣ узналъ губернаторъ, то, грустно покачавъ головой, съ волненіемъ произнесъ:

— Всѣхъ бы этихъ подлецовъ въ дисциплинарный баталіонъ!....

Въ такую-то критическую минуту совершенно неожиданно явился на помощь Запорожный. Онъ далъ генералу торжественное обѣщаніе, что черезъ $1^1/_2$ мѣсяца у него на письменномъ столѣ будетъ лежать исторія Захолусткаго города. Въ тотъ же день Григорій Павловичъ исчезъ и появился ровно черезъ $1^1/_2$ мѣс. Гдѣ онъ пропадалъ и что дѣлалъ,—хорошенько никто не зналъ Одни говорили, что онъ скитался по монастырскимъ и церковнымъ архивамъ, другіе видѣли его въ Москвѣ третьи увѣряли, что онъ жилъ въ Петербургѣ и занимался исключительно кутежами. Было ли это въ дѣйствительности такъ или иначе, но Запорожный совершилъ чудо, поразившее всѣхъ,—онъ представилъ генералу исторически - этнографически - статистическій очеркъ города и губерніи, составленный обстоятельно. Но этого мало,—вскорѣ послѣ возвращенія Запорожнаго, въ столичныхъ газетахъ появились отзывы объ историческомъ очеркѣ Захолустнаго города, и отзывы были настолько прекрасны, для авторскаго самолюбія, что не оставляли желать ничего лучшаго.

Но этимъ далеко не исчерпались способности Запорожнаго и тѣ услуги, которыя онъ оказывалъ своему начальнику.

Въ городѣ народилось юное общество съ цѣлью оказать помощь дѣтямъ, родившимся отъ совершеннолѣтнихъ дѣвицъ, не имѣющихъ мужей. Пошли неизбѣжные базары съ благотворительной цѣлью, аллегри и т. п., гдѣ среди предметовъ розыгрыша картины, рисованныя Запорожнымъ, играли первенствующую роль; ради этихъ картинъ билеты брались нарасхватъ.

Извѣстно, что вообще въ захолустныхъ городахъ и въ частности въ томъ Захолустномъ городѣ, который послужилъ предметомъ нашихъ скромныхъ описаній, время отъ времени появляются модныя теченія, всецѣло захватывающія интересъ общественной жизни. Правда, этотъ интересъ, какъ и всякое модное теченіе, скоро блѣднѣло, а потомъ совсѣмъ исчезало. Это обычное явленіе въ глухой провинціальной жизни.

Затѣяли, напримѣръ, въ захолустномъ городѣ издавать «Губернскія Вѣдомости» ежедневно и по „новой и обширной программѣ". Инниціатива затѣи этой принадлежала beau mond'у и къ ней относился генералъ довольно сочувственно, обѣщаясь оказать изданію

газеты посильное участіе. Однако въ этой затѣѣ Запорожный почему-то не принималъ никакого участія до тѣхъ поръ, пока въ одно прекрасное утро генералъ не обратился къ нему съ убѣдительной просьбой принять на себя редакторство.

Запорожный молча и долго крутилъ свои геркулесовскіе усы, что служило у него признакомъ внутренняго волненія, потомъ сразу, точно обрѣзавъ,—отвѣтилъ:

— Увольте, ваше превосходительство, не могу...

— Вы, вы... Григорій Павловичъ Запорожный не можете быть редакторомъ?!

— Не могу, ваше превосходительство, увольте...

— Не вѣрю. Почему же не можете?

— А потому и не могу, что я Запорожный. Если бы...

— Ничего не понимаю. Объясните въ чемъ же дѣло?

— А въ томъ дѣло, что для такого состава сотрудниковъ и редакціи, каковы организованы теперь, приличнѣе всего было бы пригласить редактора изъ...

— Не договаривайте, ради Бога, не договаривайте,—замахалъ руками генералъ,—а объясните толкомъ въ чемъ же тутъ дѣло, что вы такъ вооружились противъ редакціи.

Запорожный объяснилъ, что главный иниціаторъ газеты поручилъ организовать все дѣло лишенному правъ ветеринару, всѣ задачи котораго и стремленія заключаются въ томъ, чтобы отъ этого дѣла, какъ можно больше урвать, а потомъ... apres nous de deluge.

— Ахъ, Григорій Павловичъ, Григорій Павловичъ,—говорилъ укоризненно генералъ, —почему же вы раньше объ этомъ ничего не говорили?

— Потому, что раньше вы объ этомъ не спрашивали.

Объясненія кончились тѣмъ, что генералъ передалъ все дѣло газеты Запорожному.

Начались самыя дѣятельныя приготовленія,—собираніе матеріаловъ, поиски и приглашеніе сотрудниковъ и т. д. Когда генералу былъ поданъ первый номеръ въ корректурахъ, то онъ остался очень доволенъ, но бѣда только заключалась въ томъ, что первый номеръ не имѣлъ стиховъ, а генерала убѣдили яко-бы опытные люди, что отсутствіе стиховъ да еще въ первомъ номерѣ газеты, которая имѣетъ претензію назваться литературной, равняется знаменательной газетной крышкѣ.

Одинъ изъ чиновниковъ, проникнутый искреннимъ желаніемъ помочь дѣлу, правда, несмѣло, но предложилъ свой проектъ: обратиться къ полиціймейстеру, чтобы тотъ сдѣлалъ путемъ негласнаго распоряженія, чрезъ посредство частныхъ приставовъ, соотвѣтствующіе розыски поэтовъ, какіе окажутся въ городѣ, не исключая лицъ, принадлежащихъ къ женскому полу.

Генералъ ничего не сказалъ автору проекта, но когда тотъ ушелъ, онъ добродушно засмѣялся и милостиво произнесъ:

— Отправить эту каналью въ врачебное отдѣленіе для освидѣтельствованія умственныхъ способностей...

Григорію Павловичу онъ говорилъ:

— Вѣдь мнѣ хочется, дорогой мой, чтобы газета была не сухой оффиціальной газетой, а литературнымъ, живымъ органомъ...

Запорожный ничего не возражалъ, но на другое утро, явившись къ губернатору, подалъ ему въ корректурахъ стихи.

По мѣрѣ того, какъ генералъ пробѣгалъ глазами строки, лицо его дѣлалось яснѣе и радостнѣе.

Наконецъ онъ въ порывѣ восторга сказалъ:

— Григорій Павловичъ, неужели это вы..

— Мое имя значится полностью, ваше превосходительство, а я всю жизнь не воровалъ и никакими контрфакціями не занимался.

— Да полноте-же Григорій Павловичъ, я не о томъ.. будетъ вамъ..

И генералъ бросился обнимать Запорожнаго.

Минуту спустя первый ужъ декламировалъ:

Забудь, пѣвецъ, довольно плакать
И муки скорби воспѣвать,
Намъ всѣхъ погибшихъ не оплакать,
Страданья всѣхъ не изстрадать.
Не мукъ, а сладкаго забвенья
Усталой грудью жажду я!
Пускай же нѣгой упоенья
Звучитъ святая пѣснь твоя.
Пой мнѣ о радости далекой,
О волнахъ моря, о лунѣ..
Все въ этой кельѣ одинокой
Готовъ я слушать въ полуснѣ.
. . . .

Кончилъ генералъ и торжественно произнесъ:—Прекрасно написано, Григорій Павловичъ, въ вашихъ стихахъ особенно мнѣ нравится—безыскусственная гармонія и сердечная теплота..

Въ вѣдомостяхъ нерѣдко появлялись стихотворенія Запорожнаго; если стихи эти и не отличались особенной художественностью и не блистали выдающимся талантомъ, то во всякомъ случаѣ были нисколько не хуже произведенія тѣхъ поэтовъ, которые явились во 2 й половинѣ XIX в. въ такомъ изобиліи, какъ грибы въ урожайный годъ послѣ дождя.

———

Извѣстно, что въ жизни провинціальныхъ городовъ нерѣдко можно наблюдать модныя теченія, которыя я по простотѣ душевной называю фиглярствомъ или акробатствомъ въ области благотворительности, ибо горькимъ опытомъ убѣдился, что изъ ста благотворителей много-много одинъ дѣлаетъ доброе дѣло ради влеченія своего сердца, а остальные—акробаты, или жаждущіе получить какую ни на есть мзду.

Такъ случалось и въ Захолустномъ городѣ. Одно время тамъ существовала мода ухаживать за больными, открывать больницы и производить на больницы всевозможные сборы. Въ одно прекрасное время случился грандіозный скандалъ, имѣющій романическую подкладку, и мода быстро окончила свое существованіе,—больные и больницы были преданы забвенію. Затѣмъ также недолго существовала мода собирать уличныхъ мальчишекъ, обучать ихъ грамотѣ, кормить до тошноты и т. д. Кончилось тѣмъ, что Захолустный городъ очутился въ осадномъ положеніи: не было ни прохода, ни проѣзда отъ нищихъ дѣтей. Мелкимъ кражамъ и грабежамъ потеряли счетъ; на благотворителей и благотворительницъ сыпались проклятія, хотя послѣдніе страдали не менѣе другихъ.

Такимъ образомъ скоро наступилъ конецъ и этой модѣ.

Самымъ послѣднимъ моднымъ увлеченіемъ beau mond'a Захолустнаго города было увлеченіе переселенцами. Эта мода совпадала съ описываемыми событіями и оно было послѣднимъ теченіемъ, исторія котораго извѣстна автору. Какія затѣмъ теченія переживало захолустное общество, Богъ-вѣсть.

А между тѣмъ «переселенческое теченіе» представляетъ въ настоящемъ разсказѣ наивысшій интересъ потому, что оно тѣсно связано съ судьбой моего героя, Григорія Павловича Запорожнаго.

О, никогда мнѣ не забыть этихъ переселенцевъ, какъ не забыть мнѣ моего незабвеннаго героя, который сдѣлался случайной жертвой переселенческаго увлеченія ..

Но я не смѣю забѣгать впередъ, а буду продолжать свой разсказъ въ систематическомъ порядкѣ.

Какъ-то случилось, что одна изъ переселенческихъ партій, тянувшихся изъ южныхъ губерній въ далекую, невѣдомую Сибирь, совершенно случайно избрала направленіе черезъ Захолустный городъ, гдѣ появленіе ихъ было встрѣчено съ такой живой радостью, что они, повѣряя другъ-другу свои впечатлѣнія, говорили:

— Вотъ гдѣ истинно православные живутъ.

— Какъ есть земной рай

— И вправду рай

Захолустныя дамы и дѣвицы-благотворительницы съ своими адъютантами, утомившись долгой бездѣятельностью, бросились на переселенцевъ съ какой-то жадностью, свойственной голоднымъ людямъ, бросающимся на даровой хлѣбъ. Переселенцевъ носили на рукахъ:—поили, кормили, готовили имъ платье, шили бѣлье изъ голландскаго полотна, дѣтямъ несли конфекты и игрушки. Словомъ, заботы о переселенцахъ достигли maximum'a; видимо, что дальше не куда было идти... Сами переселенцы, видя, что господа совсѣмъ скружились съ ними, начали опасаться, какъ бы не произошло чего: извѣстно, что мужикъ и до настоящихъ дней скептически относится къ выраженію деликатныхъ чувствъ, особенно, если послѣднія появляются въ энергическихъ формахъ.

— Какъ бы тае... грѣха какого не вышло, говорили между собою переселенцы.

— То-то.. мотри и впрямь, какой подвохъ не вышелъ бы..

— А ты полно зря-то болтать,—какой подвохъ,—просто господа съ жиру бѣсятся. Мы господамъ все едино—забава.

— Чего зря,—тутъ не зря выйдетъ, ежели примѣрно теперича у насъ и чаи, и сахары, и всякая всячина, а потомъ возьмутъ и почнутъ драть насъ.

— А ты полно зря молоть,—за какую это вину драть?

— А за такую,—ежели ты поселенецъ, такъ ты долженъ идти въ Сибирь, а ты вотъ сидишь въ Расеи, да чаи распиваешь...

Переселенцы инстинктивно чесали затылки и ту часть тѣла, которая спеціально предназначается для порки и т. п. операцій и невинныхъ развлеченій, и крѣпко призадумались. Нѣкоторые изъ вожаковъ предлагали бѣжать тайкомъ, другіе—вернуться домой, а третьи, наконецъ, совѣтовали подать «куда слѣдовать» прошеніе—нельзя-ли вмѣсто Сибири поселиться въ Захолустномъ городѣ. Ради того, чтобы остаться тутъ, послѣдніе даже соглашались принести нѣкоторыя жертвы.

— А пускай ихъ, ежели и выдерутъ разъ другой...

Пока переселенцы судили и рядили, произошло событіе, которое сразу измѣнило ихъ планы.

Но опять же, чтобы не забѣгать впередъ, намъ необходимо возвратиться къ Запорожному, который игралъ въ описываемомъ событіи, хотя печальную, но выдающуюся роль.

Замѣтимъ, что и Григорій Павловичъ, какъ мы сказали выше, былъ не чуждъ переселенческаго увлеченія. Онъ также «носился» съ переселенцами, какъ малороссійскій нищій носится съ «писаной торбой». Онъ собиралъ подписку, устраивалъ въ пользу переселенцевъ аллегри, концерты, публичныя лекціи и т. п

— Больше помощи, больше свѣту людямъ, обреченнымъ на милліоны терзаній.

Такъ говорилъ Запорожный, приглашая къ усиленнымъ пожертвованіямъ.

Вѣнцомъ его кипучей дѣятельности явилась драма: «Переселенцы на Волгѣ». Драма выдержала подрядъ 12 представленій въ мѣстномъ театрѣ при полномъ сборѣ, большая часть котораго пошла въ пользу переселенцевъ.

Запорожный со всей страстностью своей благородной души отдавался дѣлу помощи переселенцамъ. Даже случилось однажды такъ, что Григорій Павловичъ едва самъ не ушелъ въ далекую Сибирь съ одной переселенческой партіей. Объ этомъ инцидентѣ долго говорилъ и смѣялся цѣлый городъ. Дѣло происходило такъ. Встрѣтивъ одну партію земляковъ, Запорожный долго нянчился съ ней и кончилъ тѣмъ, что закутилъ малость и пока продолжался періодъ a bon courag'a, онъ совсѣмъ поселился въ баракѣ среди переселенцевъ, рѣшивъ покинуть благословенный захолустный городъ и идти съ этой партіей.

Когда узналъ объ этомъ генералъ, то прежде всего прислалъ Запорожному письмо и въ очень деликатныхъ выраженіяхъ освѣдомлялся объ его здоровьѣ, и Григорій Павловичъ отвѣтилъ лаконически, что онъ шестой день пьетъ за здоровье его превосходительства, на что генералъ приказалъ передать, что «пора бы и окончить»...

Раза три-четыре въ годъ постигала Запорожнаго эта „слабость“ и каждый разъ приносила ему массу огорченій и непріятностей. Онъ страдалъ физически и нравственно, и даже при этихъ условіяхъ не могъ отрѣшиться, чтобы спустя мѣсяца три не возобновить своего, какъ онъ говорилъ, обычнаго „coup de that“.

— Ничего не подѣлаешь, болѣзнь... болѣзнь воли ..

Онъ тяжко вздыхалъ и, казалось, что его глаза были полны слезъ.

Каждый разъ, какъ только возобновлялся «сеансъ», продолжавшійся около недѣли, Запорожный обыкновенно исчезалъ. Самое исчезновеніе, несмотря на то, что оно повторялось регулярно, всегда производило сенсацію въ обществѣ.

— А вы слышали, вѣдь, Григорій Павловичъ опять..,

— Неужели опять?!... Ахъ, какая жалость... Общество соболѣзновало такъ же, какъ обыкновенно соболѣзнуютъ лицу, котораго постигло особенное несчастіе. Генералъ такъ тотъ прямо-таки приходилъ въ отчаяніе, когда его камердинеръ, Евстратичъ, приходилъ къ генералу съ понуренной головой и докладывалъ:

— Ваше п-во, его высокородіе Григорій Павловичъ изволили пропасть...

— Какъ, опять исчезъ?

— Пропали-съ.

Евстратичъ съ отчаяніемъ махалъ рукой.

Генералъ непритворно скорбѣлъ, иногда сердился и ворчалъ, давалъ даже обѣщаніе распечь, но въ общемъ относился снисходительно, прекрасно зная, какъ тяжело приходилось Запорожному расплачиваться за свое „исчезновеніе“.

И послѣ исчезновенія каждый разъ генералъ встрѣчалъ Запорожнаго, какъ добрый отецъ хотя блуднаго, но больного сына, —съ добродушной и привѣтливой улыбкой.

— Ну что, Григорій Павловичъ,—спрашивалъ онъ, смотря на блѣдное, изнеможенное лицо своего любимца,—кончили сеансъ?

— Кончилъ, ваше п-во.

— Ну и слава Богу.

— Слава Богу,—повторялъ Запорожный и такъ тяжело, тяжело вздыхалъ.

Слабость была единственнымъ больнымъ мѣстомъ Запорожнаго, была величайшимъ несчастіемъ, зломъ, словомъ, представляла противоположный полюсъ тѣхъ внутреннихъ достоинствъ, которыми онъ обладалъ, наконецъ эта слабость, привела его къ роковому распутью, къ повѣствованію о которомъ мы и переходимъ.

Дѣло происходило зимой. На дворѣ мела такая снѣжная буря, что свѣта Божьяго не видно было. Григорій Павловичъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ (онъ жилъ въ аппартаментахъ губернаторскаго дворца, рядомъ съ обширной пріемной) и благодушествовалъ у камина за чаемъ, заваленный журналами и газетами. Изрѣдка онъ быстро поднимался съ своего мѣста подходилъ къ мольберту съ натянутымъ холстомъ, дѣлалъ нѣсколько штриховъ углемъ, нервно теребилъ свои усы, ходилъ изъ угла въ уголъ своего обширнаго кабинета, временемъ опять останавливался передъ мольбертомъ, при чемъ подолгу смотрѣлъ на полотно, какъ будто видѣлъ на немъ какое то реальное изображеніе своего художественнаго творчества, а потомъ снова опускался на кресло и снова принимался за книгу.

Въ эти минуты мирнаго благодушія на порогѣ неожиданно появился старый пріятель и землякъ Запорожнаго, нѣкій Измаильченко.

Онъ торопливо подалъ руку хозяину и, не здороваясь какъ слѣдуетъ, прямо началъ:

— Серденько мое, одѣвайся скорѣй, и ѣдемъ... Ѣдемъ безъ протестовъ, колебаній и размышленій, ѣдемъ...

— Постой, другъ мой, куда? зачѣмъ? Что такое случилось?

— Совершенно ничего не случилось, или вѣрнѣе, самая обыкновенная исторія: ѣдемъ на тройкахъ въ Стрѣльну...

— Какъ, въ Стрѣльну?!...

— Постой, не перебивай,—ѣдемъ на тройкахъ въ Стрѣльну, гдѣ тебѣ, мое серденько, необходимо быть, во-первыхъ потому, что нѣкоторыя особы,—при послѣднемъ словѣ онъ знаменательно подчеркнулъ и загадочно улыбнулся,—нѣкоторыя особы заявили, что онѣ безъ тебя не поѣдутъ,—разъ. Въ Стрѣльну ѣдутъ всѣ наши тузы и, конечно, тутъ немало перепадетъ крупицъ въ пользу твоихъ питомцевъ - переселенцевъ, а это возможно только при твоемъ участіи, а ужъ я помогу, не сомнѣвайся. А переселенцы ждутъ крупицъ, охъ, какъ ждутъ..: Ты знаешь, что завтра прибываетъ новая партія? Вотъ это будетъ два. Въ-третьихъ, мнѣ поручили, чтобы я не пріѣзжалъ безъ тебя.

Пока Измаильченко говорилъ, Запорожный сосредоточенно смотрѣлъ въ одну точку и нервно теребилъ усы, не проронивъ ни одного слова.

— Ты что же, мое серденько, лишился дара слова совсѣмъ или временно?

Молчаніе.

— Послушай, серденько, да языкъ то у тебя...

— Есть, есть языкъ, - заговорилъ Запорожный,—только вотъ что, другъ мой, я не поѣду...

— Какъ не поѣдешь?... Это что же, серденько мое, выходитъ, значитъ, переселенцевъ и всѣхъ насъ по боку?

— Видишь ли, другъ мой,—говорилъ пресерьезно Запорожный,—у меня есть извѣстныя традиціи, которымъ я долженъ слѣдовать, какъ потомокъ знаменитаго гетмана: мой почтенный родитель и дѣдушка, и прадѣдушка, и прабабушка всегда начинали регулярно черезъ три мѣсяца. .

— Ничего, серденько, не пойму: бабушки, дѣдушки... Чего начинали?

— Начинали... начинали coup de that.

— Да ты полно глупости говорить.

— Нѣтъ, это не только глупости, а даже остроумно; представь себѣ: прошло только двѣ недѣли, какъ, я можно сказать, съ одра болѣзни поднялся и опять.

— Совсѣмъ, совсѣмъ неостроумно: ты воображаешь, что если ѣхать въ Стрѣльну, такъ нужно пить?

— Чудакъ ты, другъ мой, ты хочешь, я пошелъ въ воду и былъ бы сухой.

Измаильченко долго надрывался отъ смѣха, а потомъ, зная вѣроятно нравъ „серденьки“, началъ его самъ одѣвать, какъ маленькаго ребенка, и при этомъ жестоко упрекалъ и стыдилъ за его малодушіе, отъ котораго могло пострадать „переселенческое дѣло“.

Запорожный ничего не возражалъ, только громко и тяжело вздыхалъ

Спустя полчаса они спускались съ парадной лѣстницы губернаторскаго дворца.

Старый швейцаръ Калинычъ...

Но да проститъ мнѣ читатель за маленькое отступленіе: мнѣ необходимо сказать два слова именно о старыхъ слугахъ генерала. Дѣйствительно, у генерала были точно на подборъ вся прислуга—старики. Ехидные языки говорили, что генералъ, выбирая стариковъ умышленно, желалъ въ ихъ средѣ быть молодымъ... Впрочемъ, это, кажется, одно людское ехидство.

Старый Калинычъ, увидя Запорожнаго и Измаильченко вмѣстѣ, въ душѣ поскорбѣлъ, что первый какъ бы „опять не запропастился“, но въ то же время и ликовалъ: празднуя въ этотъ вечеръ свое тезоименитство, онъ будетъ вкупѣ съ своими гостями на полной свободѣ: генералъ уѣзжаетъ въ гости, Запорожнаго нѣтъ...

Черезъ часъ друзья были въ Стрѣльнѣ.

Мы не будемъ подробно описывать, что произошло въ Стрѣльнѣ: во-первыхъ, это не интересно, а во-вторыхъ, произошла въ сущности самая обыкновенная исторія.

Около 12 ч. Запорожный со стаканомъ вина говорилъ въ многочисленномъ обществѣ рѣчь о чистомъ искусствѣ; около часу онъ коснѣющимъ языкомъ принималъ участіе въ горячемъ спорѣ, касающемся того, къ какой именно націи каждый изъ присутствующихъ принадлежитъ; около 2 часовъ онъ, покачиваясь, „незамѣтно исчезъ“, позабывъ и цыганку Маньку, и венгерку Цирку, и переселенцевъ, и всѣхъ присутствующихъ.

Дѣйствительно, про него можно было бы смѣло сказать, что на этотъ разъ онъ „исчезъ“, если бы онъ совершенно неожиданно не появился, не появился въ такомъ мѣстѣ и при такой обстановкѣ, и обстоятельствахъ, о которыхъ на другой же день заговорилъ цѣлый городъ.

Снѣжная буря попрежнему стонала, наметая цѣлыя горы снѣгу. По дорогѣ въ городъ мчалась тройка. Григорій Павловичъ время-отъ-времени открывалъ глаза, кричалъ „пшелъ“! и снова погружался въ дремоту. Вдругъ у самой заставы сани налетѣли на что-то, перевернулись на бокъ; тройка остановилась; Запорожный и кучеръ, который былъ въ одинаковыхъ градусахъ съ первымъ, барахтались въ снѣгу. Вокругъ слышались брань, стоны, слезы, собачій лай и визгъ.

Запорожному кто-то помогъ выбраться изъ снѣга; его усадили въ сани и надъ самыми его ушами вдругъ раздались жалобные крики:

— Спасите, погибаемъ!... замерзли... жена умираетъ... Спасите, баринъ, будьте милостивы...

Запорожный дико озирался, но ничего не могъ понять что происходитъ вокругъ, что за люди около него и чего они требуютъ. Онъ напрягалъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы сознательно отнестись къ окружающему, но изъ этого ничего не выходило. Правда, были минуты, когда являлись смутные проблески сознанія что случилось какое то несчастіе, что слѣдуетъ помочь, но буря, снѣгъ, мольбы, стонъ, наконецъ ему слышались иностранныя слова,—все это производило въ его головѣ невообразимую путаницу.

— Убирайтесь къ чорту... Пшелъ!... Убирайтесь ... чего пристали?... будетъ, довольно...

Можетъ быть онъ еще долго бормоталъ, но въ этотъ моментъ въ его головѣ блеснула мысль, подъ вліяніемъ которой проснулось сознаніе.

— Переселенцы?!

Въ отвѣтъ слышались мольбы, стоны, визгъ..

Запорожный опять закричалъ:

— Переселенцы?!

На минуту все смолкло, а потомъ кто-то жалобно заговорилъ:

— Спасите, спасите.... жена.... жена.... умираетъ....

Затѣмъ надъ самымъ ухомъ Запорожнаго кто-то отчаянно кричалъ:

— Переселенцы, да, да переселенцы, переселенцы, мы переселенцы!...

Это было такое слово, которое подѣйствовало на Запорожнаго, какъ электрическій токъ.

— Переселенцы?!... Садись!.. Садись всѣ сюда!!.. Качай! Пшелъ!!... Садись!....

Григорій Павловичъ съ величайшимъ трудомъ поднялся и снова кричалъ: „Переселенцы, садись!! ..“

Наконецъ онъ, какъ снопъ, повалился въ сани и чувствовалъ, что на него навалилось какое то живое существо, которое, обдавая его теплымъ дыханьемъ, лизало ему лицо.... Рядомъ кто то говорилъ, стоналъ, визжалъ... Запорожный что то бормоталъ съ закрытыми глазами, для него снова наступила «тьма египетская».

Черезъ полчаса тройка остановилась у подъѣзда губернаторскаго дворца.

Первымъ вытащили изъ саней Запорожнаго. Онъ, хотя не твердой поступью, но шелъ безъ посторонней помощи и коснѣющимъ языкомъ бормоталъ: «Переселенцы.... переселенцы... пріемная... генералъ...

За нимъ двигались какія-то странныя фигуры, занесенныя снѣгомъ. Когда заспанный дежурный обратился къ Запорожному что дѣлать съ «этими» и гдѣ ихъ помѣстить, то въ отвѣтъ послышались тѣ же слова: «Переселенцы пріемная.... генералъ....» Изъ этихъ словъ дежурный понялъ только одно, что по приказанію генерала и по распоряженію Запорожнаго пріѣзжихъ слѣдуетъ помѣстить въ пріемной, что онъ и сдѣлалъ, рѣшивъ, что объ этомъ сейчасъ же доложатъ Калинычу. Первый хотѣлъ было обратиться за разъясненіями къ Запорожному, но тотъ, переступивъ порогъ пріемной, повалился на первый диванъ и не произнесъ ни единаго звука.

Несмотря на то, что Калинычъ недавно только закончилъ торжественное празднованіе своего тезоименитства, но его всетаки удалось разбудить, хотя съ большими усиліями. Слушая докладъ дежурнаго, Калинычъ долго и усиленно соображалъ, онъ даже имѣлъ достаточно силъ и мужества, впрочемъ, съ помощью того же дежурнаго, накинуть пальто, обуться въ валенки и подняться въ пріемную. Скудно освѣщенная картина, представившаяся глазамъ Калиныча, изображала какую-то безформенную кучу, изъ которой порою слышались тихіе стоны, какіе то странные звуки, напоминающіе собачье скучанье, сдержанныя слезы и т. п.

Калинычъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, долго смотрѣлъ съ отупѣлымъ взоромъ на эту кучу, которая, по словамъ дежурнаго, должна была изображать «переселенцевъ», и произнесъ одно только слово:

— Ватага!...

Запорожнаго онъ все же узналъ; онъ даже приблизился къ дивану и дернулъ его нѣсколько разъ за рукавъ шубы, потомъ рѣшительно махнулъ рукою и произнесъ:

— Хуже меня!...

Смотря въ эту минуту на Калиныча, можно было бы заключить, что, несмотря на внезапное пробужденіе отъ сна, слѣдовавшаго за именнинымъ торжествомъ, соображенія его нашли реальную почву, словомъ, что онъ началъ «прозрѣвать». Онъ, спускаясь съ лѣстницы, даже буркнулъ что то вродѣ того, что нужно доложить.... но на послѣдней ступени неожиданно опустился и въ ту же минуту заснулъ. На этомъ закончились всѣ соображенія Калиныча, не получивъ рѣшительно никакого практическаго осуществленія.

Генералъ сверхъ всякаго обыкновенія пріѣхалъ поздно и, конечно, остался въ невѣдѣніи относительно того, что происходило въ пріемной, во-первыхъ, потому, что пріѣхалъ съ другого подъѣзда, а во вторыхъ, какъ добрался до постели, такъ и уснулъ сномъ праведника; этому примѣру послѣдовалъ его камердинеръ Евстратичъ, голова котораго была полна еще угара, полученнаго на именинномъ торжествѣ.

Все стихло и замерло въ губернаторскомъ дворцѣ, только въ пріемной, гдѣ нашли себѣ временный пріютъ «переселенцы» и Запорожный, изрѣдко слышались храпъ, сдержанный разговоръ, стоны, чьи-то глухія рыданья, собачье ворчанье, за которымъ слѣдовали энергичные «цыцъ» и не менѣе энергичные шлепки, а затѣмъ все стихало, хотя ненадолго. А снѣжная буря какъ будто еще сильнѣй разыгралась,—то жалобно выла въ трубахъ, то стучалась въ окна, кидая въ нихъ цѣлые снопы снѣга.

Было четыре часа утра.

Въ губернаторской пріемной усиленное движеніе, суматоха, сдержанный разговоръ, слышались какіе то скорбные голоса, полные не то отчаянія, не то страха.

Старый Калинычъ кружился по пріемной, какъ угорѣлый, съ глазами, налитыми кровью, махалъ руками, дѣлалъ какіе то угрожающіе жесты шепталъ какую то молитву и въ то же время извергалъ цѣлые потоки всевозможныхъ проклятій и ругательствъ по адресу „переселенцевъ“. Наконецъ, онъ, подбѣжавъ къ дивану, гдѣ лежалъ Запорожный и, забывъ всякое чинопочитаніе и уваженіе, которое питалъ къ послѣднему, сталъ безцеремонно дергать его, толкать.

— Ваше-бродіе, вставайте скорѣе вставайте!...

Богатырскій храпъ Запорожнаго приводилъ Калиныча въ отчаяніе.

— Ваше-бродіе, вставайте, бѣда приключилась!... скорѣе.... Господи милостивый, что же это будетъ,—пропали наши головушки....

Калинычъ безнадежно развелъ руками и, бросившись въ его комнату, возвратился оттуда черезъ минуту, неся мокрое полотенце, которымъ началъ усиленно тереть лицо и голову Запорожнаго.

— Ваше-бродіе, очнитесь!... снова заговорилъ сквозь слезы Калинычъ,—какихъ вы переселенцевъ привезли?!.... вѣдь пропадемъ, всѣ пропадемъ.... Каторга!

Григорій Павловичъ систематически продѣлалъ все, что свойственно продѣлывать людямъ, которыхъ стараются въ его положеніи разбудить преждевременно: онъ открывалъ глаза, потомъ опять закрывалъ, бормоталъ, ругался и т. д. Наконецъ Калинычу удалось его совсѣмъ разбудить.

— Пропали, ваше-бродіе, совсѣмъ пропали... Вѣдь за докторомъ послали, за акушеркой....

— За акушеркой? переспросилъ Запорожный,—дико озираясь кругомъ. Ахъ, чортъ... пшелъ!!

— Ваше-бродіе, а вы посмотрите что кругомъ то дѣлается....

— Акушерка?... Пошелъ къ чорту!.. Пшелъ!!...

— Да вы только посмотрите....

И Запорожный дѣйствительно началъ смотрѣть.... Картина, представившаяся его глазамъ, поразила его до такой степени, что онъ быстро поднялся на ноги и долго какимъ то растеряннымъ взглядомъ смотрѣлъ, стараясь разрѣшить вопросы, мало-по-малу зарождавшіеся въ его головѣ: гдѣ онъ, какимъ образомъ онъ попалъ сюда и т. д. Что происходитъ вокругъ, онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, какъ не отдавалъ отчета въ томъ, что онъ во снѣ или на яву. Однако, какъ онъ не напрягалъ свой умъ, ни одного изъ этихъ вопросовъ не разрѣшилъ, а только совершенно понялъ, что передъ его глазами картина дикая, невѣроятная, нелѣпая, картина, отъ которой слѣдуетъ бѣжать безъ оглядки....

Но въ эту рѣшительную минуту силы его оставили и онъ снова повалился на диванъ.

Калинычъ долго стоялъ, не двигаясь съ мѣста, растерянный, убитый, и потомъ вдругъ неожиданно горько, горько заплакалъ.

Генералъ вставалъ рано, часовъ въ 6, несмотря на то, когда онъ легъ наканунѣ.

Изъ генеральской спальни раздался звонокъ. Камердинеръ, который уже прекрасно зналъ, что творится въ пріемной, какъ только переступилъ порогъ, вмѣсто того, чтобы приступить къ обычнымъ манипуляціямъ, требуемымъ его профессіей, повалился генералу въ ноги.

Генералъ даже отшатнулся отъ неожиданности.

— Что ты?... заговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ,—несчастіе какое случилось?...

— Простите, ваше пр-во, ради истиннаго Бога.... не погубите.... тридцать лѣтъ служу....

— Да ты говори толкомъ, что такое случилось?...

— Не могу ваше пр-во.... безсвязно говорилъ онъ, глухо рыдая,—не могу.... сами изволите посмотрѣть....

— Да что, гдѣ посмотрѣть?!

— Въ пріемной залѣ, ваше пр-во... въ пріемной... ихъ высокородіе господинъ Запорожный привезъ... Тридцать лѣтъ служу, а такого не видалъ....

— Да кого же привезъ Запорожный, что ты мелешь?!

— Не могу.... ваше пр-во.... Посел... поселен.. поселен...

— Переселенцы, ты говоришь?

— Нѣтъ, ваше пр-во, хуже переселенцевъ... Не могу, сами изволите...

— Тьфу, старый дуракъ!

Генералъ поспѣшно одѣлся подъ аккомпаниментъ сдержанныхъ всхлипываній камердинера, и поспѣшно вышелъ въ пріемную.

Картину, представившуюся глазамъ генерала, едва-ли кто въ состояніи описать такъ живо, такъ образно, какъ она существовала въ дѣйствительности, и моему слабому перу приходится и то съ большимъ рискомъ попробовать.

И я попробую перенести картину не на полотно, а на бумагу, писать не художественной кистью, а самымъ прозаическимъ перомъ...

Среди пріемной на полинялыхъ и затасканныхъ коврахъ и одѣялахъ, разосланныхъ на полу, лежала молодая и красивая женщина, возлѣ которой суетилась акушерка, кутая въ какія-то лохмотья крошечное живое существо, видимо, только что появившееся на свѣтъ Божій. Тутъ же стоялъ представитель „переселенцевъ“,—каковую роль ему совершенно непроизвольно пришлось играть въ минуту роковой встрѣчи съ Запорожнымъ; это былъ мужчина лѣтъ 35, съ жалкимъ убитымъ видомъ, одѣтый въ характерный костюмъ странствующаго акробата, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности, красной курткѣ, узкихъ панталонахъ, башмакахъ и т. д.

На кучѣ разнаго тряпья важно восѣдалъ громаднѣйшій сенъ-бернаръ Фрицъ и, посматривая недоумѣло кругомъ своими добродушными глазами, какъ будто хотѣлъ спросить: куда мы попали и что съ нами будетъ? Попугай, фигурой своей напоминавшій мокрую курицу, сидѣлъ смирнехонько въ открытой

клѣткѣ и пугливо смотрѣлъ на дверь, гдѣ появился генералъ. Крошечная обезьяна, которую, видимо, не смущала и не занимала окружающая обстановка, дѣлала самыя уморительныя гримасы, кувыркалась и теребила хвостъ Фрица. Запорожный, раскинувшись на диванѣ, немилосердно храпѣлъ. Въ дверяхъ стояли Калинычъ въ томъ же костюмѣ, въ какомъ мы видѣли его ночью, дежурный, еще кое-кто изъ генеральской челяди. Всѣ они имѣли убитый, растерянный видъ, Всѣ они стояли съ опущенными головами, не смѣя поднять глазъ на генерала.

— Ваше пр-во,—не смѣло началъ Калинычъ, дѣлая шагъ впередъ,—нашъ грѣхъ... не губите .. думали, что переселенцы.. . а вонъ, вишь... Нашъ грѣхъ...

Генералъ даже не взглянулъ на Калиныча. Онъ долго стоялъ въ такой позѣ, какъ будто онъ находился подъ вліяніемъ столбняка. Что въ эти минуты происходило въ его сѣдой головѣ, Богъ-вѣсть. Намъ извѣстно только, что много въ своей жизни видѣлъ онъ всевозможныхъ бурь и картинъ, но картинъ, подобной той, которую видѣлъ теперь, никогда не видѣлъ и не могъ себѣ представить.

Послѣ долгаго томительнаго молчанія генералъ, наконецъ, грозно спросилъ, обращаясь къ импровизованнымъ переселенцамъ.

— Что вы за люди?

— Пере... пере... селенцы... послышался чей то сдавленный голосъ.

— Переселенцы! крикнулъ изъ всей мочи попугай

— Переселенцы.. акушерка.,. пошелъ къ чорту! безсвязно бормоталъ Запорожный.

Въ эту минуту, повидимому, безъ всякой причины Фрицъ поднялъ голову вверхъ и жалобно завылъ.

Лицо генерала судорожно передернулось; онъ круто повернулся и стремительно вышелъ изъ пріемной.

Вкратцѣ передадимъ что послѣдовало за описаннымъ выше событіемъ.

Спустя съ полчаса пріемная была пуста. Справедливость, однако, заставляетъ сказать, что „переселенцы" отнюдь не были выселены на улицу или т. п. неподобающее мѣсто, напротивъ, окруживъ всевозможными заботами и попеченіями, они были помѣщены въ швейцарской.

Къ 12 ч. дня уже весь городъ узналъ о событіи, происшедшемъ въ пріемной губернатора.

Все утро генералъ былъ серьезенъ, необыкновенно молчаливъ. Весьма вѣроятно, что вся эта переселенческая исторія и кончилась строгими выговорами, маленькими непріятностями и огорченіями, но на бѣду къ генералу явился старый товарищъ и задушевный другъ—бригадный генералъ, и, переступивъ порогъ, торжественно и самымъ серьезнымъ тономъ поздравилъ:

— Съ новорожденнымъ, ваше превосходительство...

Проводивъ бригаднаго, генералъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ и повторялъ:

Съ новорожденнымъ... д-д д-а-съ, съ новорожденнымъ... д-д-а-съ.

При этомъ онъ горько, но безъ всякой злобы улыбался.

Запорожный исчезъ, и на этотъ разъ исчезъ точно въ воду канулъ, навсегда. Спустя уже годъ возвращающіеся на родину въ Захолустную губернію, знавшіе лично Запорожнаго увѣряли, что они видѣли его на Аѳонѣ. Можетъ быть тамъ, подъ кровлей святой обители, среди чудной природы, подъ голубымъ небомъ онъ нашелъ «чистые идеалы», къ которымъ стремился всю жизнь, и, во всякомъ случаѣ, лучшіе, чѣмъ онъ могъ найти въ Захолустномъ городѣ.

Вскорѣ послѣ событія, происшедшаго въ пріемной губернатора, увлеченіе переселенцами какъ то сразу кончилось, а вмѣстѣ съ нею кончилась всякая филантропическая дѣятельность, дававшая возможность переселенцамъ жить въ Захолустномъ городѣ, если не весело, то, навѣрное, вольготно. Теперь, боясь голодной смерти, они съ котомками за плечами потянулись длинной вереницей изъ богоспасаемаго града, при чемъ многіе искренно благословляли судьбу, что имъ пришлось уйти подобру-по-здорову, сохранивъ въ неприкосновенности ту часть тѣла, которая спеціально предназначена для порки.

Что затѣмъ произошло, автору не извѣстно; но съ этого дня въ Захолустномъ городѣ слово „переселенецъ" стало обиднымъ и ругательнымъ словомъ.

Г.

ТРИ ЕЛКИ.

(Рождественскій разсказъ).

Ангелъ летѣлъ съ неба на землю. Съ головы до ногъ его окутывало серебряное покрывало и дѣлало невидимымъ для человѣческаго глаза. Какъ вдругъ злобный вѣтеръ пронесся по воздуху; онъ сорвалъ съ ангела его покрывало и съ быстротою молніи помчалъ его черезъ горы и долины. Ангелъ испустилъ крикъ ужаса, распустилъ крылья и полетѣлъ вслѣдъ за нимъ. Но вѣтеръ бушевалъ и свирѣпствовалъ вокругъ него, смѣялся надъ его усиліями, пока бѣдняжка не потерялъ окончательно изъ виду свое одѣяніе.

И вотъ ангелъ началъ съ тревогой искать свое покрывало, такъ какъ безъ него онъ не могъ ни свершить своего дѣла на землѣ, ни вернуться обратно на небо. Уставъ и потерявъ всякую надежду, онъ, наконецъ, опустился на вершину высокой горы и залился горючими слезами. Наконецъ, онъ поднялъ свои глаза къ верху и, о, чудо!—передъ нимъ въ голубой дали виднѣется что-то серебристое. Полный новой надежды, ангелъ приподнялся и быстрымъ полетомъ прорѣзалъ обширное пространство.

Дѣйствительно, на склонѣ горы онъ увидѣлъ свое покрывало. Злой вѣтеръ, конечно, и теперь унесъ бы дальше роскошную одежду ангела, но три молодыя елки, двѣ побольше, а третья еще совсѣмъ маленькая, крѣпко держали покрывало ангела своими вѣтвями и иглами.

Ангелъ громко воскликнулъ отъ радости: „Какъ и чѣмъ мнѣ васъ отблагодарить? Вы всѣ три спасли меня отъ великаго горя!" Я хочу исполнить желаніе каждой изъ васъ. Подумайте хорошенько и скажите ваши желанія.

Самая высокая елка, недолго думая, тотчасъ же воскликнула.

— Я хочу пользоваться могуществомъ и значеніемъ у людей, я хочу быть повелителемъ и имѣть подъ своею властью государство, гдѣ бы я была самымъ важнымъ лицомъ. Какъ полководецъ, я хочу переходить изъ страны въ страну и привозить домой сокровища міра! Счастье въ могуществѣ и богатствѣ!...

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ ангелъ.

— Я,—быстро воскликнула вторая ель, выбрала себѣ нѣчто лучшее... Умъ управляетъ міромъ. Умъ легко пріобрѣтаетъ самъ и могущество, и богатство.Я хочу владѣть человѣческой мудростью. Хочу знать тайны людей. Знать все, что повергаетъ міръ въ радость и печаль. Я хочу знать и понимать все, что радуетъ и печалитъ міръ. Знаніе—счастье.

— Пусть будетъ такъ!—сказалъ ангелъ.

Затѣмъ, тихо улыбаясь, низко нагнувшись къ самой маленькой елочкѣ, онъ провелъ рукой по ея вѣтвямъ и ласково спросилъ:

— Ну, а ты, моя малютка, что придумала для себя?

— Я ничего не сдѣлала, что достойно было бы похвалы! скромно прошептала маленькая елочка.

— Ты сдѣлала то, что тебѣ позволяли твои силы; такъ скажи же мнѣ свое желаніе!

— Я желала бы узнать любовь людей, о которой они поютъ и говорятъ, любовь самую чистую и лучшую, которую Богъ влилъ въ ихъ сердца, ту любовь, о которой говорятъ: она никогда не прекращается!

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ ангелъ и маленькой елкѣ. Затѣмъ онъ развернулъ свое покрывало, такъ что оно въ видѣ густого серебристаго тумана протянулось надъ горой и широкой долиной и воскликнулъ, обращаясь къ елкамъ:

— Такъ будьте же готовы вступить въ міръ и испытать свое счастье!

Когда туманъ разсѣялся, ангела уже не было; но въ тотъ же мигъ совершилось чудо. Вмѣсто ели, которая желала могущества и величія, стояло высокое гордое дерево, возвышаясь надъ остальными. А около него, достигая средины его гигантскаго тѣла, возвышала свою головку вторая елка, которая такъ горячо стремилась къ познанію и наукамъ. Только третье деревцо все еще оставалось маленькимъ и незамѣтнымъ, какъ и прежде, и презрительно смотрѣли на него сверху оба товарища.

— Смотри, глупенькая, сказали они оба насмѣшливо,—скромность повсюду ниществуетъ. Любовью никто не можетъ жить. Только умнымъ принадлежитъ міръ.

Но скоро ихъ насмѣшкамъ наступилъ конецъ. Въ одинъ прекрасный день пришли люди, срубили большое дерево и положили его на сани, которыя шесть лошадей съ трудомъ могли везти.

— Видите, я ѣду шестерикомъ, какъ настоящій король. Къ могуществу и сокровищамъ земли ведетъ мой путь, такъ какъ умному принадлежитъ міръ! издали крикнула елка оставшимся товарищамъ.

Люди повезли гордеца въ далекія страны, въ большой городъ на берегу; тутъ они поставили исполинскую ель въ качествѣ мачты на огромное торговое судно, которое должно было переплыть океанъ. Какъ король возвышалась она надъ крѣпкимъ корпусомъ корабля и экипажемъ, который у ея ногъ сновалъ взадъ и впередъ, и когда вѣтеръ качалъ паруса, тогда ель часто говорила, окидывая взоромъ широкое поле: „Какъ далеко я вижу и слышу, никто не великъ такъ, какъ я!" И она восхваляла свою мудрость и съ сожалѣніемъ думала о своей сверстницѣ, которая удовольствовалась скудными познаніями людей.

Вторая ель также достигла конечной цѣли своего желанія; въ качествѣ могучаго телеграфнаго столба стояла она у желѣзной дороги, вблизи главнаго города страны. Все, чего хотѣла она, было въ ея распоряженіи. День и ночь приходили новыя извѣстія, дурныя и хорошія, съ востока, юга и запада. Все, что волновало міръ, что повергало народы въ радость и печаль, что заставляло ликовать и плакать, все это телеграфный столбъ узнавалъ раньше другихъ, онъ передавалъ эти вѣсти дальше изъ страны въ страну, изъ дома въ домъ. Въ началѣ онъ былъ радъ и счастливъ. Но съ теченіемъ

времени ему наскучили вѣчныя заботы и радости и печали людей, которые ежедневно и ежечасно раздавались въ его ушахъ и не давали ему ни отдыха, ни покоя. Часто у него мутилось въ головѣ и вскорѣ наступило время, когда онъ думалъ о томъ, насколько благоразумнѣе было бы оставаться въ лѣсу зеленой елкой, вмѣсто того, чтобы здѣсь старѣть и дряхлѣть. Столбъ становился все ворчливѣе и недовольнѣе. Иногда онъ такъ ворчалъ, что его можно было слышать на далекомъ разстояніи, и птицы, качавшіяся на его проволокахъ, въ испугѣ улетали прочь. Часто приходили дѣти, прикладывали ухо къ нему и спрашивали другъ друга: „что онъ говоритъ?" А онъ сердито ворчалъ постоянно одно и то же: „Знаніе не дѣлаетъ еще счастливымъ!" Но дѣти не понимали, что онъ говоритъ, даже старшій мальчикъ, который уже почти два года сидѣлъ въ седьмомъ классѣ и поэтому въ сущности долженъ былъ хорошо понимать рѣчи телеграфнаго столба.

Когда до него время отъ времени долетали извѣстія о товарищѣ, который, нагрузясь сокровищами, благополучно возвращался въ родную гавань, его охватывала злость и досада и онъ чуть не трескался отъ зависти. Тогда начинало скрипѣть и хрустѣть его дряхлое тѣло, и сосѣди его справа и слѣва шопотомъ сообщали другъ другу, что онъ сталъ слишкомъ старъ и непроченъ и всѣ пророчили ему быстрый и дурной конецъ. Никто не зналъ, что недоброжелательство къ старшему товарищу, котораго онъ считалъ счастливѣе, точило его мозгъ.

Но гордое мачтовое дерево уже давно пресытилось и утомилось своими жизненными радостями и печалями. Когда оно, подхваченное бурей, носилось по бушующимъ волнамъ, видя предъ собою смерть и уничтоженіе, оно съ тоскою вспоминало время своей молодости, когда оно, защищенное отъ бури и непогоды, стояло, опираясь на твердую почву. „Какъ знать, часто говорило оно самому себѣ, не выбралъ ли этотъ маленькій карапузикъ, котораго мы такъ часто осмѣивали, самый лучшій жребій?"

А маленькая ель все еще стояла на своемъ старомъ мѣстѣ. Лѣто прошло со своими цвѣтами и пѣніемъ птицъ, осень разсыпала свои желтые листья, пока зима не покрыла все густымъ снѣжнымъ покровомъ, такъ что полузанесенная снѣгомъ маленькая елочка казалась еще меньше и безпомощнѣй, чѣмъ прежде. Однако, хотя она считала себя позабытой ангеломъ, ей все-таки жилось весело и привольно.

Такъ приблизилось время святокъ. Однажды въ лѣсу появились дровни, которыя сверху до низу были нагружены рождественскими елками различной величины. Старикъ правилъ дровнями, а рядомъ съ нимъ шелъ лѣсникъ.

— Ну, сказалъ онъ старику, если вы непремѣнно хотите барышъ, то возьмите эту маленькую елочку. Я вамъ охотно отдаю, такъ какъ все равно изъ нея никакого толку не будетъ. Если она не будетъ горѣть въ городѣ, какъ рождественская елка, то она отлично будетъ горѣть на вашемъ очагѣ, вмѣсто хворосту!

— Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, сказалъ старикъ, смѣясь, срубилъ деревцо и небрежно швырнулъ его на возъ.

Видно ей суждено было постоянно оставаться послѣдней. Она была послѣдней на возу и оставалась также послѣдней на базарѣ.

Всѣ другія елки были давно уже распроданы и въ сумракъ святого вечера блестѣли своими яркими огнями черезъ зеркальныя окна дворцовъ и тусклыя стекла хижинъ.

— Никто больше не придетъ, сказала елочка, печально вглядываясь въ пустую улицу, никто меня не спрашивалъ, никто! ангелъ навѣрное позабылъ обо мнѣ; можетъ быть моя просьба была глупа и нескромна. Старикъ сваритъ на моихъ вѣтвяхъ кофе и все будетъ кончено!

— Никто больше не придетъ, проговорилъ старикъ и сталъ собирать свои вещи. Вдругъ онъ услышалъ тихій голосъ.

— Подарите мнѣ, пожалуйста, пару вѣточекъ, которыя здѣсь валяются, какъ обрѣзки, я бѣдна и хотѣла бы доставить своему ребенку удовольствіе къ святому вечеру.

Блѣдная женщина выступила при свѣтѣ фонаря и печальными глазами смотрѣла на старика.

Онъ однако ворчливо крикнулъ: „Ахъ, не трогайте ничего, я подарковъ не дѣлаю! Кто хочетъ устроить своимъ дѣтямъ елку, тотъ также можетъ заплатить бѣднымъ людямъ.

— На мои послѣднія деньги я купила эту свѣчу, возразила женщина и голосъ ея задрожалъ. Онъ былъ моимъ единственнымъ сыномъ, такимъ милымъ и хорошимъ... Онъ спитъ теперь на кладбищѣ, а душенька его на небѣ. Когда онъ въ теченіе долгихъ недѣль лежалъ больной я ему разсказывала о наступающемъ святомъ праздникѣ, говорила о елкѣ, которую я ему хотѣла устроить. Его усталые глазенки блестѣли тогда такъ радостно и свѣтло, какъ будто въ нихъ отражался блескъ праздничныхъ огней. Я думаю, что если я сегодня посажу на его могилку зеленую еловую вѣточку и зажгу ему эту свѣчу, то добрый Богъ раскроетъ небесныя врата, и мое дитя съ радостью глянетъ въ низъ и увидитъ меня, какъ тогда, когда я еще держала его у себя на колѣняхъ.

— То, что обѣщано, должно быть исполнено,—сказалъ старикъ, быстро нагнувшись, причемъ голосъ его совершенно утратилъ свой суровый тонъ.—Въ такомъ случаѣ я вамъ дамъ настоящее дерево. Вотъ возьмите же, оно у меня послѣднее и лучшаго у меня нѣтъ. Но кто находится на небѣ, тотъ видитъ и самое маленькое. Вамъ нечего меня благодарить; не мѣшкайте, вамъ надо далеко идти.

И прежде, чѣмъ бѣдная женщина опомнилась, старикъ уже завернулъ свои сани въ слѣдующую улицу. Она прижала дерево къ своей груди, какъ драгоцѣнность и быстрыми шагами пошла по пустымъ улицамъ, на которыя падалъ свѣтъ зажженныхъ елокъ и доносилось шумное ликованіе дѣтей. Только около самого кладбища, на краю города, она пошла тише, пробираясь сквозь кустарникъ и чрезъ высокіе снѣжные сугробы. Около небольшого холмика, который она такъ хорошо знала, она упала на колѣни въ снѣгъ и посадила деревцо въ землю, затѣмъ она прикрѣпила къ его вершинѣ свѣчу и зажгла ее. Сложенными руками она защищала мерцающій огонь отъ вѣтра, который дулъ съ востока. Затѣмъ она стала молиться и горячія слезы падали на зеленыя иглы маленькой рождественской елочки. Она просила Бога, чтобы ея ребенокъ могъ теперь взглянуть внизъ и радоваться во всемъ великолѣпіи рая ея деревцомъ, какъ онъ когда-то радовался имъ на землѣ. И когда она подняла свои глаза, то сѣрыя тучи разступились и кусокъ темно-синяго неба совершенно очистился. И ей казалось, что она видитъ тамъ, на верху, своего ребенка, какъ онъ, ликуя, протягиваетъ къ ней свои ручки. И сердце ея наполнилось радостнымъ утѣшеніемъ.—Свѣча погасла. и мать отправилась домой въ свою тихую одинокую комнату.

Въ то самое время наверху, на небесномъ лугу, стоялъ ребенокъ и съ свѣтлой радостью смотрѣлъ внизъ. Его радостныя восклицанія далеко разносились по небесному пространству. Вдругъ неожиданно подошелъ Господь. Онъ ласково нагнулся къ ребенку и спросилъ его о причинѣ его радости.

— Смотри туда!—воскликнулъ ребенокъ, простирая свои маленькія ручки,—такъ внизу на кладбищѣ мать зажгла для меня рождественскую елку, смотри, какъ ярко свѣтитъ она сквозь сумракъ ночи!

Тогда подошелъ ангелъ, который когда-то обѣщалъ тремъ деревцамъ исполненіе ихъ желаній и сказалъ:

— Господь, это та елочка, которая когда-то хотѣла узнать чистѣйшую человѣческую любовь.

Тогда Господь сказалъ:

— Такъ пусть она вѣчно живетъ, какъ любовь, которая никогда не прекращается!

И ангелъ слетѣлъ внизъ на тихое кладбище, подошелъ къ холмику и спросилъ елочку:

— Довольна-ли ты? Исполнилось-ли твое желаніе и рада ли ты этому?

— Да я узнала чистѣйшую любовь, которая горитъ въ человѣческомъ сердцѣ. Теперь я охотно умру, отвѣтила елочка, и смолистая слеза медленно стекла по ея стволу.

— Ты будешь жить!—воскликнулъ ангелъ, поднялъ деревцо и, взмахнувъ могучими крыльями, понесъ его на небо. Въ серединѣ пути онъ простеръ свою руку и указалъ на землю.

— Посмотри внизъ на твоихъ обоихъ гордыхъ товарищей, которые въ этотъ часъ достигли конечной цѣли своихъ желаній!

— Вдали на утесистомъ берегу чужой страны, омываемое бушующими волнами, которыя такъ долго его терпѣливо носили, лежало мачтовое дерево, разбитое и расщепленное. Отъ всего его великолѣпія ничего не осталось; люди, которые такъ долго смотрѣли на него, давно уже отступились отъ него, чтобы спасти свою жизнь, а тѣ сокровища, которыя оно собиралось привезти домой, лежали на глубокомъ днѣ морскомъ.

И ангелъ снова указалъ сквозь темноту ночи на другое мѣсто. Здѣсь лежалъ разломанный на двое второй товарищъ. Та же самая буря, которая разметала мачтовое дерево вмѣстѣ съ его хрупкимъ судномъ, опрокинула также и его на его твердой почвѣ. Весь блескъ его знаній исчезъ, это былъ не больше, какъ кусокъ гнилого дерева, которое завтра будетъ брошено въ печь.

Ангелъ же несся съ маленькой елочкой наверхъ, въ свѣтлый рай. Тамъ, на небесномъ лугу, гдѣ цвѣтутъ великолѣпныя цвѣты, которые никогда не вянутъ, онъ посадилъ ее подъ серебряными и золотыми деревьями, съ вершины которыхъ блистаютъ вѣчныя звѣзды. И Господь подошелъ и положилъ свою божественную руку на вершину деревца, и когда Онъ снялъ ее, то подъ благословеніемъ ея деревцо стало рости все выше и выше, пока не сравнялось съ остальными деревьями. Когда онъ взглянулъ своими божественными очами на то мѣсто, гдѣ еще виднѣлись остатки погаснувшей свѣчи, которую вдова зажгла для своего ребенка, вдругъ вспыхнулъ черный мертвый свѣтильникъ и зажглась свѣтлая золотая звѣзда, которая бросала свой блестящій свѣтъ на землю, достигая одинокой коморки вдовы. Она смотрѣла на новую звѣзду, свѣтящуюся какъ разъ надъ могилой ея ребенка, какъ на привѣтъ сверху. И каждый вечеръ, когда она послѣ тяжелой дневной работы отходила ко сну, онъ чувствовала какъ утѣшеніе и спокойствіе вливаются въ ея душу, и когда бы она ни видѣла ея дрожащій свѣтъ, быть можетъ, сквозь свои слезы, она весело и счастливо говорила:

— Это звѣзда моего ребенка!

Ангелы же на верху въ райскомъ саду тихо склоняли свои головы предъ этимъ вѣчно зеленымъ деревомъ, съ вершины котораго на мрачную землю бросала свой свѣтъ самая блестящая звѣзда:

Звѣзда материнской любви!

Перев. Н. Д.



РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

Изъ морскихъ разсказовъ К. М. Станюковича.

Волшебная тропическая ночь, вслѣдъ за закатомъ солнца, почти внезапно опустилась надъ Батавіей и, благодаря вѣтерку, дувшему съ моря, дышала нѣжной прохладой, казавшейся такимъ счастьемъ послѣ палящаго зноя дня. Миріады звѣздъ зажглись на небѣ, и луна, круглая и полная, лила свой серебристый свѣтъ съ высоты бархатисто-темнаго купола и, медленно плывя, казалась задумчивой и томной.

Въ эту чудную ночь, наканунѣ Рождества Христова, бѣлый катеръ съ клипера «Забіяка», стоявшаго верстъ за шесть, за семь на рейдѣ,—дожидался у одной изъ пристаней нижней части города господъ офицеровъ, бывшихъ на берегу.

Эта нижняя, «дѣловая» часть города съ конторами, пакгаузами, лавками, складами и тѣсно скученными домами, исключительно населенная туземцами—малайцами и метисами, да пришлыми китайцами, ютилась почти у самаго моря, кишащаго акулами и кайманами, въ нездоровой, сырой и болотистой мѣстности. Настоящіе хозяева острова Явы, голландцы жили на-верху, на горѣ, въ европейской Батавіи, роскошномъ, чистомъ городкѣ изящныхъ домовъ, виллъ и гостиницъ, тонувшемъ въ густой зелени садовъ и парковъ, въ которыхъ высились гигантскія пальмы. Оттуда съ ранней зари дѣловые люди спускались въ малайскій кварталъ и въ десять часовъ утра уже возвращались домой въ свои прохладные дома. Адская жара заставляла прекращать занятія, возобновлявшіяся снова за нѣсколько часовъ до заката и оканчивающіяся часовъ въ десять вечера.

Оживленная и шумная днемъ жизнь въ малайскомъ кварталѣ затихла. Огоньки въ маленькихъ домахъ потухли, и узкія грязныя, прорѣзанныя смертоносными каналами, улицы нижняго города опустѣли. Даже не видно было шныряющихъ у пристаней ночныхъ темнокожихъ фей-малаекъ, чтобы смущать матросовъ всевозможныхъ національностей, давно не бывавшихъ на берегу, и своимъ болѣе чѣмъ откровеннымъ нарядомъ и выразительными пантомимами, и острымъ, непріятнымъ запахомъ кокосоваго масла, которымъ малайки расточительно пользуются, смазывая имъ и волосы, руки, и шею. Пусто вездѣ. Изрѣдка лишь мелькнетъ громадный бумажный фонарь запоздалаго разносчика всякихъ товаровъ, китайца—этого еврея почти всего востока, возвращающагося изъ верхняго города, отъ варваровъ, къ себѣ домой на отдыхъ.

Гдѣ-то вблизи на рейдѣ, на какомъ-то судвѣ пробило шесть склянокъ—одинадцать часовъ. Туземецъ спитъ. У пристани и далеко кругомъ стоитъ мертвая тишина съ однообразнымъ шопотомъ морского прибоя, который нѣжно лижетъ береговой вязкій песокъ. Только по временамъ эта торжественная, полная какой-то таинственности, тишина тропической ночи нарушается вдругъ шумными всплесками: крокодилъ, послѣ дневного крѣпкаго сна на отмеляхъ подъ отвѣсными лучами солнца, забавляется въ водѣ, ловя добычу.

И снова тишина.

Русскіе матросы съ „Забіяки", катерные гребцы, въ ожиданіи господъ, находились всѣ въ катерѣ. Лунный свѣтъ падалъ на нихъ бѣлыя рубахи и захватывалъ нѣкоторыя лица. Нѣсколько человѣкъ, растянувшись подъ банками, сладко спали. Одинъ чернявый молодой матросикъ задумчиво и какъ-то вопросительно поглядывалъ то на мерцающія звѣзды, то на сверкавшую серебромъ полосу моря и видимо думалъ какую то думу, судя по его напряженно строгому лицу. По временамъ, когда раздавались всплески, онъ вздрагивалъ и пугливо озирался на товарищей. А человѣкъ шесть или семь собрались около кормы и, разсѣвшись по бортамъ на сидѣньяхъ, вели бесѣду какъ-то особенно тихо, почти шопотомъ, словно бы боясь нарушить тишину этой волшебной ночи и точно нѣсколько пугаясь ея жуткой таинственности. Дымокъ нѣсколькихъ курящихся трубочекъ съ острымъ запахомъ махорки пріятно щекоталъ обоняніе бесѣдующихъ гребцовъ.

Кромѣ русскаго катера у пристани не было ни одной шлюпки.

Матросы вспоминали о Россіи, о праздникѣ на родинѣ, высказывали желаніе поскорѣй вернутся домой, особенно тѣ, которые по возвращеніи разсчитывали на отставку или, по крайней мѣрѣ, на безсрочный отпускъ. Вотъ ужъ третье Рождество они встрѣчаютъ въ «чужихъ и «жаркихъ» мѣстахъ... Опротивѣло... Скорѣй бы вернутся!

И, несмотря на жизнь, хотя полную опасностей, но все-таки относительно сносную (на клиперѣ и командиръ, и офицеры были люди порядочные и матросовъ не тѣснили) и сытую, каждаго изъ матросовъ тянуло туда, на сѣверъ, на далекую родину съ ея бѣдами и нуждой, съ покосившимися избами, соснами и елями, снѣгомъ и морозами.

Послѣ этихъ воспоминаній всѣ какъ то притихли. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Гляди... Звѣзда упала.. Еще... И куда она падаетъ, братцы?—тихо спросилъ чернявый матросъ.

— Въ окіянъ, извѣстно. Опричь окіяна ей некуда упасть!—отвѣчалъ пожилой здоровый матросъ увѣреннымъ тономъ.

— А ежели на землю?—спросилъ кто-то.

— Нельзя, потому все какъ есть расшибетъ. По самой этой причинѣ Богъ и валитъ звѣзду въ море... Туда, молъ, тебѣ мѣсто...

Чернявый матросикъ, видимо неудовлетворенный этимъ объясненіемъ, снова сталъ глядѣть на небо.

И необыкновенно пріятный грудной голосъ загребнаго Ефремова заговорилъ:

— Это Богъ виноватую звѣзду наказываетъ... Потому звѣзды тоже бунтуютъ... И особенно много, братцы, падаетъ ихъ въ эту ночь...

— По какой такой причинѣ, братецъ?—задорно спросилъ пожилой, плотный матросъ.

— А по такой причинѣ, милый человѣкъ, что въ эту ночь не бунтуй, а веди себя смирно, потому какъ въ эту самую ночь Спаситель родился... Великая эта ночь... Нашему разсудку и не понять... И какъ ежели подумаешь, что родился Онъ въ бѣдности, пострадалъ за бездольныхъ людей и принялъ смерть на крестѣ, такъ наши-то всѣ горя ничего не стоятъ... Ни одной полушки!.. Да, братцы, великая эта ночь... И кто въ эту ночь обидитъ младенца,—тому великое будетъ наказанье... Такъ старикъ одинъ божественный мнѣ сказывалъ, странникъ. Въ книгахъ, говоритъ, все показано..

— Ишь ты подлый!. Такъ и мутитъ воду!—проговорилъ кто-то, когда послышался вблизи всплескъ воды...

— Нешто крокодилъ?

— Кому другому... Глядь,—башка его надъ водой...

Всѣ глаза устремились на одну точку. На освѣщенной свѣтомъ луны полосѣ воды видна была отвратительная черная голова каймана, тихо плывшаго неподалеку отъ шлюпки къ берегу.

— Погани-то всякой въ этихъ мѣстахъ!.. И крокодилъ, и акула проклятая... Сказываютъ, на берегу, въ лѣсахъ и тигра... Однако, загуляли что-то наши офицеры на берегу, братцы... Скоро и полночь... А ты, Живковъ, что все на небо глаза пялишь? Ай, любопытно? Не про насъ, братъ, написано!—проговорилъ, обращаясь къ чернявому матросику, пожилой, плотный матросъ.

Въ эту минуту съ берега вдругъ донесся чей-то жалобный крикъ.

Матросы притихли. Кто-то сказалъ:

— А вѣдь это дитё плачетъ...

— Дите и есть... По близости гдѣ-то... Ишь, горемычная заливается... Заплуталъ что-ли...

— Кто-нибудь при немъ долженъ быть..

Жалобный, безпомощный плачъ не прекращался.

— Сходилъ бы кто посмотрѣть, что-ли?—замѣтилъ плотный, пожилой матросъ, не двигаясь однако самъ съ мѣста.

— Куда ходить? Офицеры могутъ вернуться, а гребца нѣтъ!—строго проговорилъ унтеръ-офицеръ, старшина на катерѣ.

— И то правда!—сказалъ плотный матросъ.

— Чтожъ, такъ и бросить безъ призора младенца въ этакую-то ночь?—раздался пріятный тенорокъ загребнаго Ефремова.—А ежели онъ одинъ да безъ помощи?.. Это, Егорычъ, не того.. неправильно...

— Я мигомъ вернусь, Андрей Егорычъ, только взгляну въ чемъ причина!—взволнованно проговорилъ чернявый матросикъ... Дозвольте...

— Ну, ступай... Только смотри, Живковъ, не заблудись...

— И я съ имъ, Егорычъ!—вымолвилъ Ефремовъ.

И оба матроса, выскочивъ изъ катера, бѣгомъ побѣжали по пустынному берегу на плачъ ребенка..

И очень скоро, почти у самаго моря, они увидали крошечнаго черномазаго мальчика въ одной рубашенкѣ, завязшаго въ мокромъ рыхломъ пескѣ.

Около не было ни души.

Матросы удивленно переглянулись.

— Эка идолы!.. Эка безчувственные!.. Бросили ребенка.., Это, братъ Живковъ, не спроста... Погубить хотѣли младенца... Тутъ бы его крокодилъ и сожралъ!.. Гляди... Ишь плыветъ... Почуялъ, видно...

И Ефремовъ взялъ на руки ребенка.

— А что же мы съ нимъ будемъ дѣлать?

— Что дѣлать?.. Возьмемъ на катеръ... Тамъ видно будетъ!.. Ну ты, малышъ, не реви!—ласково говорилъ Ефремовъ, прижимая ребенка къ своей груди. Это самъ Господь тебя вызволилъ...

Велико было изумленіе на катерѣ, когда минутъ черезъ десять вернулись оба матроса съ плачущимъ ребенкомъ на рукахъ и разсказали, какъ его нашли.

Унтеръ-офицеръ не зналъ, какъ ему и быть..

— Зачѣмъ вы его принесли?—строго спрашивалъ онъ, хотя самъ въ душѣ и понималъ, что нельзя же было оставить ребенка.

— То-то принесли! И ты бы принесъ!—мягко и весело отвѣчалъ Ефремовъ.—Ребята, нѣтъ ли у кого хлѣба?.. Онъ, може, голоденъ?..

Всѣ матросы смотрѣли съ жалостью на мальчика лѣтъ пяти. У кого-то въ карманѣ нашелся кусокъ хлѣба, и Ефремовъ сунулъ его малайченку въ ротъ. Тотъ жадно сталъ ѣсть.

— Голоденъ и есть... Ишь вѣдь злодѣи бываютъ люди!..

— А все-таки, ребята, насъ за этого мальченка не похвалятъ! Ишь пассажиръ объявился какой!—снова замѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Тамъ видно будетъ,—спокойно и увѣренно отвѣчалъ Ефремовъ...—Можетъ, и похвалятъ!

Ребенокъ скоро заснулъ на рукахъ у Ефремова. Онъ прикрылъ его чехломъ отъ парусовъ. И его некрасивое, бѣлобрысое, далеко не молодое лицо свѣтилось необыкновенной нѣжностью.

Скоро пріѣхали съ берега въ двухъ колясхахъ офицеры. Веселые и слегка подвыпившіе, они усѣлись за катеръ.

— Отваливай!

— Ваше благородіе,—проговорилъ старшина, обращаясь къ старшему изъ находившихся на катерѣ офицеровъ,—осмѣлюсь доложить, что на катеръ взятъ съ берега пассажиръ...

— Какой пассажиръ?

— Малайскій, значитъ, мальченка...Такъ какъ прикажете, ваше благородіе?..

— Какой мальченка? Гдѣ онъ!

— А вотъ спитъ подъ банкой у Ефремова, ваше благородіе...

И унтеръ-офицеръ объяснилъ, какъ нашли мальченку.

— Ну что-жъ?.. Пусть ѣдетъ съ нами... Фокъ и гротъ поднять!—скомандовалъ лейтенантъ.

Паруса были поставлены, и шлюпка ходко пошла въ полвѣтра на клиперъ.

Ефремовъ уложилъ найденыша въ свою койку и почти не спалъ до утра, поминутно подходя къ нему и заглядывая, хорошо ли онъ спитъ.

На утро доложили о происшествіи капитану, и онъ разрѣшилъ оставить мальчика на клиперѣ, пока клиперъ простоитъ въ Батавіи. Въ то же время онъ далъ знать о ребенкѣ губернатору, и маленькаго малайца обѣщали помѣстить въ пріютъ.

Недѣлю прожилъ маленькій найденышъ на клиперѣ, и Ефремовъ пѣстовалъ его съ нѣжностью матери. Мальчику сшили цѣлый костюмъ и обули. И когда наканунѣ ухода полицейскій чиновникъ пріѣхалъ за мальчикомъ, матросы черезъ боцмана просили старшаго офицера испросить у капитана разрѣшеніе оставить найденыша на клиперѣ.

И Ефремовъ, успѣвшій за это время привязаться къ мальчику, ждалъ капитанскаго отвѣта съ тревожнымъ нетерпѣніемъ.

Капитанъ не согласился.

Долго потомъ Ефремовъ вспоминалъ рождественскую ночь и этого чуть-было не погибшаго мальчика, успѣвшаго найти уголокъ въ его сердцѣ.



ВѢСТИ ИЗЪ СТОЛИЦЪ.

— Завѣдывающимъ школами грамоты лицамъ, преподающимъ въ нихъ законъ Божій, предоставлено право вписывать свою законоучительскую службу въ формулярный списокъ.

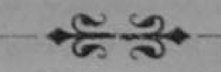
— Въ духовномъ вѣдомствѣ возбужденъ вопросъ о ежегодномъ устройствѣ по отдѣльнымъ епархіямъ, независимо отъ педагогическихъ курсовъ пѣнія, имѣющихъ цѣлью способствовать организаціи при всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ церковно-школьныхъ хоровъ.

— Правительствующій сенатъ по общему собранію разъяснилъ, что постановленія уѣздныхъ съѣздовъ по представленнымъ земскими начальниками дѣламъ объ отмѣнѣ приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ имѣютъ окончательный характеръ, независимо отъ того, отмѣнилъ-ли съѣздъ приговоръ, или нѣтъ, и могутъ быть отмѣнены только правительствующимъ сенатомъ.

Опубликованъ слѣдующій циркуляръ министра юстиціи предсѣдателямъ окружныхъ судовъ:

Изъ имѣющихся въ министерствѣ юстиціи свѣдѣній,—говорится въ немъ,—усматривается, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ городскіе судьи, при разсмотрѣніи дѣлъ по обвиненію въ нарушеніи санитарныхъ постановленій, нерѣдко, даже, при существованіи опасныхъ эпидемій, налагаютъ на виновныхъ денежныя взысканія въ крайне ничтожномъ размѣрѣ, часто непревышающемъ 1 руб., а также допускаютъ медленность въ разрѣшеніи упомянутыхъ дѣлъ. Опредѣленіе денежныхъ штрафовъ въ столь незначительномъ размѣрѣ не только не соотвѣтствуетъ значенію и цѣли уголовныхъ взысканій, но во многихъ случаяхъ можетъ быть признано равносильнымъ оставленію нарушителей закона безнаказанными, а медленность въ разрѣшеніи дѣлъ сего рода, ослабляя значеніе издаваемыхъ въ огражденіе народнаго здравія распоряженій, въ значительной степени затрудняетъ достиженіе надлежащаго санитарнаго благоустройства. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что не только служебный, но и нравственный долгъ обязываетъ городскихъ судей всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами способствовать неукоснительному выполненію санитарныхъ мѣропріятій, я считаю необходимымъ поручить вамъ предложить окружнымъ судамъ обратить на это вниманіе городскихъ судей, а въ необходимыхъ случаяхъ привлекать виновныхъ въ медленности и нерадѣніи къ законной отвѣтственности".

— Святѣйшій синодъ вырабатываетъ правила, относящіяся до устройства религіозно-нравственныхъ бесѣдъ для образованнаго общества. Бесѣдамъ предполагается придать характеръ правильныхъ курсовъ. Организацію и веденіе бесѣдъ проектируется въ университетскихъ городахъ поручить профессорамъ академіи; въ провинціальныхъ городахъ бесѣды будутъ вестись преподавателями мѣстныхъ духовныхъ семинарій.



Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ.

(Некрологъ).

22-го декабря скончался старѣйшій писатель земли русской, Несторъ русской литературы, Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. Въ лицѣ его умеръ для насъ одинъ изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ изъ „стаи славныхъ" послѣ пушкинскаго періода, умеръ другъ Некрасова, Бѣлинскаго, Тургенева, Достоевскаго, съ которыми онъ дышалъ одними стремленіями, работалъ рука объ руку на одномъ и томъ же поприщѣ. Больше того: и Достоевскаго, и многихъ другихъ, оставившихъ по себѣ слѣдъ въ исторіи русской мысли, русскаго творчества, онъ лаской встрѣчалъ у тѣсныхъ вратъ литературы, добрымъ словомъ ободрялъ и благословлялъ на тернистый путь писателя. Невознаградимую потерю понесла русская литература, сошелъ въ могилу еще одинъ изъ тѣхъ честныхъ носителей идеала, которые такъ нужны нашему мятущемуся вѣку. Одинъ изъ первыхъ русскихъ писателей-реалистовъ, создатель русской „народнической литературы", создатель „общественнаго" романа, въ которомъ не только интересъ, но и внѣшнее развитіе сюжета стоятъ внѣ обыкновенной романической интриги, авторъ „Деревни", „Рыбаковъ", „Переселенцевъ", „Антона Горемыки", сходя въ могилу, оставилъ глубокую печаль въ сердцахъ всѣхъ, кто зналъ его по тѣмъ строкамъ, проникнутымъ горячей любовью къ меньшей братіи, которыя выливались изъ-подъ его пера.

Д. В. Григоровичъ родился въ Симбирскѣ 19 марта 1822 года. Пяти лѣтъ Д. В. началъ уже изучать французскую азбуку, и все обученіе шло на французскомъ языкѣ, не исключая ариѳметики. Русскому языку пришлось учиться отъ дворовыхъ людей. Восьми лѣтъ Д. В. былъ отданъ въ французскій пансіонъ, въ Москву; здѣсь проявилась въ немъ склонность къ художеству, проявилась инстинктивно, тогда какъ остальныя способности не думали еще пробуждаться. „Кто знаетъ, говоритъ Д. В. въ своихъ воспоминаніяхъ, если-бъ тогда уловили во мнѣ эту склонность и дали ей надлежащее направленіе, изъ меня, можетъ быть, вышелъ-бы художникъ". 13 лѣтъ Д. В. поступилъ въ петербургское инженерное училище, но инженерное искусство было не по душѣ Д. В. и онъ перешелъ въ академію художествъ. Здѣсь увлеченіе театромъ, который онъ часто посѣщалъ, вызвало въ немъ желаніе принять болѣе близкое участіе въ сценической дѣятельности; оставивъ академію и поступивъ на службу въ канцелярію директора театра Гедеонова, онъ началъ заниматься переводами французскихъ водевилей и сблизился съ писателями—Достоевскимъ, Некрасовымъ, Бѣлинскимъ. Подъ вліяніемъ послѣднихъ Д. В. выступаетъ съ своими оригинальными произведеніями, но первые шаги были неудачны. Благодаря, однако, его терпѣнію и трудолюбію, литературная работа увлекала его все болѣе и болѣе. Появились „Деревня" и „Антонъ Горемыка", которые дали ему мѣсто въ литературѣ. Эти повѣсти были первыми попытками возбудить въ обществѣ интересъ къ мужику, вызвать въ обществѣ горячія къ нему симпатіи, обратить общее вниманіе на тяжкое безправное положеніе крѣпостного простолюдина. Повѣсть „Антонъ Горемыка" имѣла огромный успѣхъ; знаменитый критикъ Бѣлинскій встрѣтилъ ее восторженными похвалами, ее называли русской „хижиной дяди Тома".

За этой повѣстью слѣдовалъ длинный рядъ болѣе или менѣе крупныхъ произведеній: „Бобыль", „Четыре времени года", „Рыбаки", „Проселочныя дороги", „Переселенцы", „Пахарь", также талантливо и съ такой же горячей любовью къ страждущему „меньшому брату", отражавшихъ различныя стороны крестьянскаго быта.

Въ 1860 годахъ почти прекращается на долгій срокъ литературная дѣятельность Д. В. Григоровича. Въ качествѣ секретаря общества поощренія художествъ, онъ всецѣло отдается этому новому дѣлу, близкому для него по стремленіямъ юности, и трудно даже перечислить всѣ услуги, оказанныя имъ этому обществу. Благодаря его энергіи возникла и прекрасно организована рисовальная школа въ Петербургѣ, въ которой получаютъ первоначальное художественное образованіе многія сотни учениковъ; съ величайшей любовью и настойчивостью собранъ имъ

художественный музей общества, устроена библіотека, мастерскія, упорядочено матеріальное положеніе общества. За труды по обществу Д. В. пожалованъ былъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и пожизненной пенсіей.

Въ началѣ 80-тыхъ годовъ Д. В. вернулся къ литературѣ. Въ это время появился его разсказъ „Гуттаперчевый мальчикъ", позже „Акробаты благотворительности", въ которыхъ Д. В. подмѣтилъ типичные черты представителей столичной благотворительности, стремящихся подъ видомъ „служенія ближнему", построить свое благополучіе и сдѣлать себѣ карьеру. Впослѣдствіе эта повѣсть была передѣлана самимъ Д. В. въ комедію „Замшевые люди", шедшую на сценѣ.

Д. В. работалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Изъ этого послѣдняго періода его дѣятельности отмѣтимъ его труды, какъ предсѣдателя театрально литературнаго комитета и затѣмъ какъ завѣдующаго художественно-промышленнымъ отдѣломъ всероссійской выставки 1896 году въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ которомъ, между прочимъ, присутствовалъ при открытіи городского художественнаго и историческаго музея 24 іюня того же года.

Зимой 1897 года Д. В. серьезно захворалъ въ Ниццѣ, но сильная природа взяла верхъ надъ недугомъ, однако не на долго. Смертная болѣзнь вдругъ застигла маститаго писателя, и онъ тихо скончался 22 декабря въ забытьи, послѣ кратковременныхъ страданій.

Въ лицѣ Д. В. Григоровича, отечественная литература потеряла одного изъ выдающихся представителей, внесшаго крупный вкладъ въ ея сокровищницу. Имя автора „Антона Горемыки" будетъ неразрывно связано съ памятью великихъ сподвижниковъ Д. В. Григоровича—Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, этихъ яркихъ свѣточей русской литературы.

Почтимъ же память писателя, не зарывшаго въ землю своего таланта, а сдѣлавшаго изъ него самое лучшее, самое святое употребленіе, какое только мыслемо для человѣка: онъ сослужилъ имъ великую службу своей родинѣ, а въ ней—наиболѣе обездоленнымъ, посодѣйствовалъ освобожденіемъ ихъ. А это такое дѣло, которое можно считать заслугой не только передъ родиной, но и передъ всѣмъ человѣчествомъ.

Миръ праху его! Народъ русскій не забудетъ о немъ, а человѣчество, когда узнаетъ объ его роли въ исторіи русскаго народа, поставитъ его высоко среди своихъ лучшихъ дѣятелей свободы, красоты и правды.

Люди нижегородскаго Поволжья.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

(Его жизнь и научная дѣятельность).

Извѣстный русскій историкъ и общественный дѣятель Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ скончавшійся 2 января 1897 г., родился въ нижегородской губерніи, поэтому для насъ, нижегородцевъ, будетъ представлять и особенный интересъ нижеприведенная статья г. Шмурло, напечатанная въ „С. В." Изъ этой статьи мы приводимъ только тѣ біографическія свѣдѣнія, которыя захватываютъ періодъ его дѣтства и гимназической жизни, проведенной исключительно въ предѣлахъ нижегородской губерніи.

I.

Дѣтство.

Бестужевъ-Рюминъ родился въ 14 мая 1829 г. въ сельцѣ Кудрешкахъ, горбатовскаго уѣзда, нижегородской губ., въ старинной дворянской семьѣ. Дѣтскіе годы, проведенные подъ родительскимъ кровомъ, въ значительной степени опредѣлили его послѣдующія наклонности, развивъ любовь къ исторіи и литературному чтенію вообще.

На домѣ Бестужевыхъ лежалъ отпечатокъ тѣхъ вкусовъ и понятій, какъ они слагались въ старое время среди лучшей части дворянскаго помѣщичьяго класса подъ вліяніемъ идей второй половины XVIII столѣтія. Отецъ Бестужева воспитаніе свое получилъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, служилъ въ военной службѣ, былъ раненъ (кажется, подъ Фридландомъ) и позже, объѣзжая лошадей для великаго князя цесаревича Константина Павловича, сломалъ себѣ ногу, что заставило его поселиться въ родовомъ имѣніи. Здѣсь онъ съ увлеченіемъ занялся садоводствомъ, а еще болѣе чтеніемъ книгъ и воспитаніемъ старшаго сына. По убѣжденіямъ, это былъ деистъ съ оттѣнкомъ піэтизма, такимъ по крайней мѣрѣ выяснилось міросозерцаніе отца самому К. Н. позже, при болѣе тщательнемъ изученіи тѣхъ умственныхъ теченій, подъ вліяніемъ которыхъ развивались ученики благороднаго пансіона, Николай Павловичъ никогда не засыпалъ безъ того, чтобы не перекреститься, и въ то-же время въ церковь не ходилъ, не пріобщался и, вообще, церковныхъ обрядовъ не исполнялъ. Въ домѣ Бестужевыхъ не было Евангелія или, вѣрнѣе, былъ одинъ экземпляръ, да и тотъ на французскомъ языкѣ. Съ Новымъ Завѣтомъ К. Н. познакомился впервые не по этому экземпляру, принадлежавшему его матери, а по книгѣ, которую онъ нашелъ и взялъ у сельскаго священника. Однажды отецъ засталъ сына за ея чтеніемъ и съ увлеченіемъ заговорилъ съ нимъ о Христѣ, объ его ученіи, о христіанствѣ. Восторженная рѣчь глубоко запала въ душу ребенка, и эту бесѣду К. Н. всегда отчетливо помнилъ и любилъ вспоминать.

К. Н. очень не любилъ комнатныхъ собакъ и кошекъ, съ горечью объясняя это тѣмъ, что слишкомъ часто видѣлъ въ дѣтствѣ, какъ животныхъ предпочитали людямъ. Но зло крѣпостного права съ избыткомъ выкупалось въ воспитаніи мальчика, тѣмъ облагораживающимъ вліяніемъ умственныхъ интересовъ, которыми жила его семья и тонъ, который давалъ главнымъ образомъ его отецъ.

Еще ребенкомъ, засыпая въ своей дѣтской, К. Н. прислушивался къ голосу матери, читавшей вслухъ въ сосѣдней комнатѣ его гувернанткѣ „Евгенія Онѣгина"; еще съ этой поры пріучился онъ любить геніальнаго поэта, художественные образы котораго на всю жизнь сохранили для него неотразимую прелесть,—того поэта, чья геніальная муза, благоухала для Бестужева самымъ тонкимъ ароматомъ неувядающаго цвѣтка. Бестужевъ отчетливо помнилъ обстоятельства, при какихъ узналъ о смерти Пушкина. Въ то время ему не было еще и 8 лѣтъ. Семья жила въ Нижнемъ-Новгородѣ, у тетки. Къ ней заѣхалъ оренбургскій губернаторъ Катенинъ, по дорогѣ изъ Петербурга къ мѣсту своей службы, и разсказывалъ подробности дуэли. Съ жадностью слушалъ мальчикъ печальную повѣсть, и въ его памяти на всю жизнь запечатлѣлось четверостишіе, услышанное отъ Катенина:

Не смыть ей горькими слезами
Съ себя пятна,
Не отмолиться ей мольбами—
Жалка она!

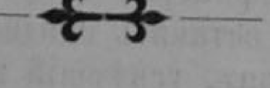
Тщетно старался К. Н. узнать, кто авторъ этихъ стиховъ, но самые стихи не забылъ. Въ 1838 г. прочиталъ онъ въ журналѣ неподписанную «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ» и былъ очарованъ красотою незнакомаго еще лермонтовскаго стиха.

У К. Н. хранилась старенькая тетрадь-альбомъ въ желтомъ переплетѣ съ какими-то радужными ободочками; въ ней записывались стихотворенія, замѣтки, разныя мысли, въ самомъ началѣ нѣсколько страницъ историческаго конспекта (aperçu), написанныхъ рукою его матери по-французски. Въ домѣ вообще господствовало французское вліяніе а вмѣстѣ съ нимъ и французскій языкъ. Ему, совмѣстно съ роднымъ языкомъ, К. Н. учился у матери; нѣмецкій усваивался пока мало и съ гораздо большимъ трудомъ, при помощи двухъ недолго жившихъ въ домѣ гувернантокъ.

Французское вліяніе въ значительной, однако, степени умѣрялось той любовію къ русской исторіи, которую внесъ въ семью отецъ К. Н.—Николай Павловичъ приходился родственникомъ князю М. М. Щербатову, извѣстному историку и публицисту въ домѣ княжны Щербатовой и вынесъ оттуда благоговѣйное отношеніе къ исторіи нашей родины. «Князю Щербатову обязанъ я тѣмъ, что сталъ русскимъ историкомъ», повторялъ не разъ К. Н. У отца была обширная и хорошо подобранная библіотека; здѣсь имѣлись тутъ-ли не всѣ выдающіеся писатели XVIII и XIX столѣтія, русскіе и иностранные, большой запасъ историческихъ мемуаровъ, богатая коллекція театральныхъ пьесъ (впослѣдствіи пожертвованная К. Н. въ Импер. Публичную Библіотеку). Отецъ руководилъ сыномъ въ выборѣ книгъ, многое читалъ съ нимъ совмѣстно, сапровождая чтеніе поясненіями. Такъ, вмѣстѣ съ отцомъ прочиталъ К. Н. еще до поступленія въ гимназію всю «Исторію» Карамзина, Плутарха (и притомъ не разъ), а также всеобщую исторію аббата Миллота. Всегда съ теплымъ чувствомъ признательности вспоминалъ онъ объ этихъ совмѣстныхъ чтеніяхъ и сопровождавшихъ ихъ бесѣдахъ.

Вообще, дни своего дѣтства, родительскій домъ, откуда всю жизнь свѣтился передъ нимъ лучезарный образъ отца, К. Н. всегда вспоминалъ съ умиленіемъ и память о нихъ благоговѣйно хранилъ какъ святыню. «Для меня съ этимъ уголкомъ»—писалъ онъ въ маѣ 1883 г., получивъ за границей извѣстіе о продажѣ имѣнія—„съ этимъ домомъ, съ этимъ садомъ, съ этими рощами соединяются такія воспоминанія о дняхъ дѣтства, что сердце сжалось, когда получилъ извѣстіе, что все кончено... Тяжело!. Вотъ почему, когда однажды ему пришлось случайно провести съ любимой сестрой въ дорогомъ уголкѣ двѣ недѣли, онъ назвалъ эти дни «счастливѣйшими въ своей жизни».

(Продолженіе будетъ).



ХРОНИКА.

Г. нижегородскому губернатору П. Ф. Унтербергеру Высочайше пожалованъ орденъ Владиміра 2-й степени.

Высочайше уволенъ по болѣзненному состоянію отъ занимаемой должности викарія тверской епархіи епископъ Старицкій, Павелъ. Мѣстопребываніе преосвященному Павлу св. синодомъ назначено въ высокогорской пустыни, находящейся въ арзамасскомъ уѣздѣ, въ трехъ верстахъ отъ г. Арзамаса.

26 декабря преосвященный Павелъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ и 27-го прослѣдовалъ въ Арзамасъ къ мѣсту своего пребыванія.

Надняхъ нижегородскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ одобренъ для представленія на парижскую выставку проектъ діаграммы-картограммы съ цѣлью изображенія положенія народнаго образованія по нижегородскому уѣзду.

Въ состоявшемся 19 декабря общемъ собраніи акціонеровъ общества пароходства и торговли А. А. Зевеке заслушанъ былъ докладъ правленія, указывающій, что положеніе дѣлъ предпріятія приводитъ къ мысли о необходимости экстренныхъ мѣръ для освобожденія предпріятія отъ долговъ съ тѣмъ, чтобы, по удовлетвореніи всѣхъ кредиторовъ, акціонеры рѣшили вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ дѣла. Достигнуть намѣченной цѣли возможно только путемъ продажи флота, по поводу чего и ведутся въ настоящее время переговоры съ компаніей „Надежда", общее собраніе акціонеровъ которой уже дало уполномочіе своему правленію на пріобрѣтеніе всего флота общества. Раздѣляя такое заключеніе, общее собраніе Зевеке уполномочило правленіе войти въ окончательное соглашеніе съ компаніей „Надежда" относительно продажи ему всего наличнаго имущества общества съ тѣмъ, чтобы размѣръ продажной цѣны и условія продажи были соображены съ обязательствами общества въ отношеніи кредиторовъ и контрагентовъ. Далѣе, составивъ планъ удовлетворенія кредиторовъ соотвѣтственно срокамъ выданныхъ имъ обязательствъ, осуществить этотъ планъ и затѣмъ, по погашеніи всѣхъ долговъ созвать новое общее собраніе акціонеровъ. Изъ прочитаннаго въ собраніи доклада о причинахъ нынѣшняго положенія дѣлъ общества выяснилось, что общество вовлечено было въ значительные расходы на капитальную постройку и увеличеніе флота, принятаго отъ первоначальнаго собственника предпріятія наслѣдниковъ А. А. Зевеке, такъ что приведеніе этого флота въ уровень, отвѣчающій требованіямъ большого пароходнаго дѣла, настолько обременило общество долгами, что хотя стоимость имущества и превышаетъ сумму этихъ долговъ, но въ распоряженіи общества не осталось никакихъ источниковъ для полученія оборотныхъ средствъ на текущія нужды предпріятія, При современномъ положеніи денежнаго рынка пришлось подумать не о расширеніи кредита, который былъ весь исчерпанъ, а о погашеніи прежнихъ долговъ. Между прочимъ выяснено было, что перестроенные пароходы общества и продолжаютъ носить прежнія названія, но съ одноименными пароходами прежняго владѣльца не имѣютъ ничего общаго; выстроенные-же новые пароходы по своимъ качествамъ и удобствамъ вполнѣ удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ пароходнаго дѣла.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

С. БОРЪ, семен. у.

(Отъ собственнаго корреспондента).

28 декабря въ нашемъ волостномъ правленіи мѣстнымъ кружкомъ любителей былъ данъ спектакль съ благотворительной цѣлью—въ пользу бѣдныхъ учениковъ и учеництъ борскихъ народныхъ училищъ. Была поставлена драма въ 3-хъ дѣйств. А. Н. Островскаго: „Не такъ живи какъ хочется" и водевиль въ 1 д. соч. М. И. Разсудова: „Въ Сибирь на каторгу". Спектакль привлекъ многочисленную публику и для многихъ желающихъ уже не было мѣста и приходилось отказывать. Сборъ былъ полный. Играли любители-артисты хорошо, и спектакль отъ начала до конца прошелъ очень гладко. Особенно хорошей игрой выдавались г.г. Гоголевъ и Соловьевъ.

Въ недалекомъ будущемъ предполагается еще любительскій спектакль.

С. ЛЫСКОВО, макар. у.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Преувеличенныя сообщенія о массовомъ появленіи волковъ около села Просѣка, истребившихъ будто-бы въ немъ и сосѣднихъ селеніяхъ нѣсколько сотъ овецъ, безъ числа рогатаго скота и даже угрожающихъ людямъ породили много баснословныхъ, чисто святочныхъ разсказовъ, говорящихъ о богатствѣ фантазіи русскаго человѣка. И странно, какъ ни фантастичны такіе разсказы, они, тѣмъ не менѣе, производятъ свое дѣйствіе на темное населеніе, которое, при всемъ сознаніи вздорности разсказа, не можетъ отличиться отъ внушающаго имъ страха. Такое именно дѣйствіе на населеніе имѣли и волчія корреспонденціи: каждый чувствовалъ себя въ небезопасности и трепеталъ за собственную шкуру. Страхъ этотъ впрочемъ миновалъ было послѣ того, какъ пріѣзжавшіе сюда нижегородскіе охотники не нашли около Просѣка ни одного волка и оповѣстившіе объ этомъ въ газетахъ, но неугомонный корреспондентъ „Волгаря" своимъ вображеніемъ снова подогрѣлъ безпокойство и опасеніе населенія, настойчиво утверждая, „что около Просѣка волки бродятъ значительными стаями и, вѣроятно, въ теченіи декабря и января будутъ особенно смѣлы", т. е. доѣдятъ жалкіе остатки овецъ и примутся за людей.

Жутко становится отъ такихъ страховъ. И жестокій же человѣкъ этотъ г. корреспондентъ, не дающій покоя мирному населенію. И откуда онъ только черпаетъ свѣдѣнія о „значительныхъ стаяхъ", когда объ этомъ ничего не говорится даже въ такомъ авторитетно-компетентномъ документѣ, какъ рапортъ сельск. старосты. Однако какъ-бы тамъ ни было, а попасть на голодные зубы волковъ, да еще въ святочные вечера, когда каждый смертный надѣется съ удовольствіемъ провести время—непріятно. Невольно пожалѣешь, что наше земство не послушалось заботливаго голоса г. Иконникова о пріобрѣтеніи отъ воен. вѣдомства упраздненныхъ „берданокъ", которые сослужили бы великую службу для уѣзда: во-1-хъ, ни одинъ сѣрый хищникъ не посмѣлъ-бы приблизиться къ селенію, учуявъ присутствіе въ немъ грознаго для него оружія. Слѣдовательно 1000 головъ мелкаго скота было-бы сохранено у населенія, во-2-хъ, увѣренное въ такой надежной защитѣ населеніе не трепетало-бы отъ страховъ, навѣянныхъ на него волчьими корреспонденціями, отравившими все его благополучіе до растройства желудковъ, въ 3-хъ, и г.г. корреспонденты спокойно строчили-бы свои статьи безъ преувеличенія воображаемыми страхами и т. д. Правда, пріобрѣтеніе „берданокъ" въ большомъ количествѣ во всѣ селенія уѣзда стоило-бы большихъ денежныхъ затратъ, пожалуй, непосильныхъ земскому бюджету, но тогда, на первое время, слѣдовало обезопасить по крайней мѣрѣ г.г. гласныхъ, ибо сіи общественные дѣятели такъ полезны и дороги для уѣзда, что охраненіе ихъ драгоцѣннаго здоровья и жизни должно составлять первѣйшую заботу населенія и относится къ обязательнымъ потребностямъ земства.

Хотя выше я и намекнулъ на преувеличенность газетныхъ сообщеній, но онѣ слишкомъ скромны сравнительно съ разсказами, циркулирующими въ народѣ. Такъ, въ возраженіи на письмо распорядителя ниж. общ. охоты г. Столповскаго, г. авторъ волчьей корреспонденціи сообщаетъ, что въ день отъѣзда охотниковъ оставшіеся солдаты видѣли 7 волковъ, на слѣдующій день 14. Тогда какъ народная молва шагаетъ гораздо шире по этой прогрессіи, именно: на 3-й день видѣли-де 28 волковъ, на 4-й—56 и т. д. до нѣсколько сотъ. Тетка Маланья Шукина даже наблюдала, какъ волки массою переходили черезъ Волгу. Ихъ было такъ много, что, идя гуськомъ, они растянулись во всю ширь рѣки. Объясняютъ это необычайное явленіе тѣмъ, что до охотниковъ волковъ около Просѣка было вообще немного и они, пронюхавъ волчьимъ чутьемъ объ угрожавшей имъ въ маломъ числѣ опасности, скрылись временно въ лѣсныя дебри заволжья и, оповѣстивъ тамъ своихъ собратій, съ ними грозною силою пошли метить населенію за приглашеніе заклятыхъ имъ враговъ, надѣясь своею громадою поколебать военную храбрость солдатиковъ; въ чемъ и не обманулись. Въ это время случилось, что у одного мужика, пріѣхавшаго въ удѣльную рощу поворовать лѣску упала съ обрыва на дно глубокаго оврага лошадь и убилась. Рѣшено было воспользоваться трупомъ, что-бы сдѣлать изъ него приманку. Трупъ вывезли на средину широкой поляны, по опушкѣ которой размѣстились по одному вооруженные солдаты. Только-что стемнѣло,—лѣсъ огласился страшнымъ воемъ и визгомъ. Словно логіонъ демоновъ наступалъ со всѣхъ сторонъ и темныя массы со сверкающими во мракѣ глазами высыпали на поляну, скрежеща зубами. Въ одинъ мигъ они растерзали трупъ лошади, только трескъ и хрустъ слышался отъ раздробляемыхъ мословъ. Между нѣкоторыми за обладаніе добычей завязалась драка. Екнуло сердце солдатское, морозъ мурашками пробѣжалъ по тѣлу и невольный страхъ отъ неистовствующаго свирѣпаго полчища заставилъ солдатиковъ робко ретироваться изъ своей засады и бѣжать въ село. Перепуганные они явились на лицо къ крестьянамъ.

— Что случилось? срашиваютъ ихъ на селѣ.

— Да тамъ тьма-тьмущая волковъ. Что мы, нѣсколько человѣкъ, съ ними сдѣлаемъ. При попыткѣ стрѣлять, они растерзали-бы насъ. Тутъ надо цѣлую роту.

Какъ-бы въ насмѣшку надъ этими баснословными страхами разсказывается другой анекдотъ, совершенно иначе объясняющій причину исчезновеніе волковъ. По этому анекдоту волковъ около Просѣка былъ всего одинъ выводокъ, состоявшій изъ 13 головъ. Незадолго передъ тѣмъ, какъ пріѣхать охотникамъ, волки эти напали въ полѣ на одного мужика, 12 окружили его, а 13-й, самый большой, наступалъ, готовясь броситься и разорвать несчастную жертву. Мужикъ, однако, не струсилъ, не растерялся и вышелъ изъ бѣды нетолько невредимый, но даже поживился за волчій счетъ. Онъ 12 волковъ связалъ хвостами, а на 13-го сѣлъ верхомъ и всю стаю погналъ въ деревню. Здѣсь, не долго думая, схватилъ крайняго сзади волка за хвостъ и рванулъ такъ сильно, что сразу сдернулъ шкуры со всѣхъ 12 волковъ. 13-го, послѣ такого богатырскаго подвига, ему уже легко было освободить отъ теплаго одѣянія. Вотъ почему теперь и нѣтъ волковъ около Просѣка. Что касается видѣнныхъ будто-бы солдатами, то еще вопросъ: волки-ли это были? Вѣдь они были такъ далеко, что не хватила-бы до нихъ пуля дальнобойкаго военнаго ружья. Во всякомъ случаѣ фактъ этотъ остался оффиціально непровѣреннымъ г. корреспондентомъ и потому поз-

волительно отнестись къ нему скептически, хотя-бы ради успокоенія населенія.

Вообще въ этой исторіи съ пресловутыми волками мало правды. Все раздуто и преувеличено. Оффиціальныя свѣдѣнія, въ видѣ донесенія старосты, тоже далеки отъ истины. Если общая за лѣто убыль овецъ и вѣрно показана въ 272 головы, но изъ нихъ большая часть агняты, погибшіе въ топкой тинѣ болота, около котораго пасся просѣцкій табунъ и часть похищена злоумышленниками, что и обнаружено уже формальнымъ судебн. слѣдствіемъ; на долю волковъ досталось немного; въ сосѣднихъ же селеніяхъ были только единичные случаи истребленія скота волками, что составляетъ обычное явленіе.

Хотя волки дѣйствительно бичъ народнаго благосостоянія, истребляя ежегодно въ общемъ громадное количество скота, особенно въ селеніяхъ, расположенныхъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, но и на нихъ грѣшно напрасно клеветать.

АРДАТОВСКІЙ УѢЗДЪ.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Наше земство возбудило предъ губернскимъ земствомъ слѣдующія ходатайства. Ардатовскому земству въ 1892 году казна выдала 28 т. руб. изъ 5% головыхъ. Въ уплату долга наша земская управа, послѣ просрочки, внесла 17 т. р. и изъ нихъ казенная палата удержала процентовъ свыше $4^1/_2$ т. р. и оштрафовала за просрочку на 951 р.; за 1898 г. штрафа было уже насчитано свыше тысячи руб., а за 1899 г. сумма штрафа возросла еще болѣе. Наше земство и возбудило ходатайство, чтобы внесенная штрафная сумма была зачислена въ уплату капитальнаго долга и чтобы вообще земство было освобождено отъ уплаты штрафа, объясняя свои просрочки тѣмъ обстоятельствомъ, что неплатежъ въ срокъ долговой суммы произошелъ не по винѣ земства, а вслѣдствіе сложившихся неблагопріятныхъ для нашего уѣзда экономическихъ причинъ и слабаго поступленія земскихъ сборовъ, послѣдствіемъ чего было громадное накопленіе недоимокъ—до 170 т. р.

Кромѣ того еще нашимъ земствомъ возбуждено ходатайство предъ губернскимъ земствомъ о зачетѣ учителю глуховского училища, Кабанову, службы его въ министерскихъ училищахъ на выслугу отъ земства пенсіи и пособія.



МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Одинъ изъ множества подписчиковъ „Нивы“ горестно пишетъ въ „Казанскій Телеграфъ“:

Въ послѣднемъ нумерѣ журнала „Нива“ только что окончена печатаніемъ повѣсть г. Михѣева „Тихія дѣла“.

Г. Михѣевъ—беллетристъ „новѣйшей формаціи“. „Тихія дѣла“—произведеніе, намалеванное по самому послѣднему модному шаблону. Здѣсь есть все, въ чемъ современные „друзья человѣчества“ видятъ залогъ будущаго счастья народнаго, т. е. „дешевая чайная“ со своимъ пойломъ и волшебный фонарь съ „туманной“ картиной и пр. Есть даже... очень ловко вставленная въ какомъ-то діалогѣ реклама извѣстной столичной фирмы пожарныхъ машинъ и менѣе извѣстной канатной фабрики въ г. Кинешмѣ (!).

Персонажи повѣсти (между прочимъ добродѣтельный золоторотецъ Зимогоръ (?) и младенецъ-подкидышъ) настолько разнообразны, что читатель для характеристики ихъ нашелъ лишь выраженіе: „всякаго жита по лопатѣ“. А конецъ повѣсти таковъ:

Трудящаяся барышня выходитъ замужъ за трудящагося учителя. Свадьба происходитъ въ женскомъ монастырѣ, въ четвергъ, въ 6 ч. вечера. Сама мать игуменья устраиваетъ это вѣнчаніе. Монахини поютъ „Исаія ликуй“ и самъ г. Михѣевъ ликуетъ, что окончилъ удачно задуманное произведеніе“.

Если г. Михѣевъ не зналъ, что въ монастыряхъ свадьбы не вѣнчаются (мало ли какихъ простыхъ вещей не знаютъ современные беллетристы)—не долженъ ли былъ знать это г. Сементковскій, редакторъ „Нивы“—журнала, который читаетъ почти каждый грамотный русскій человѣкъ?

Не удивительно и не досадно было бы все это въ какомъ-нибудь „Восходѣ“, но для „Нивы“ этотъ промахъ непростителенъ; можно смѣло сказать, что изъ 200,000 ея подписчиковъ девять десятыхъ русскіе люди.

Все стерпѣлъ, значитъ, читатель—и фирму пожарныхъ машинъ, и канатную фабрику въ формѣ діалога, и „зимогора“ въ числѣ персонажей, но вѣнчанія въ четвергъ да еще въ женскомъ монастырѣ—этого ужъ не перенесъ человѣкъ и запротестовалъ...

А говорятъ, что нашелся одинъ такой читатель, что съ горя взялъ и запилъ,—вотъ до чего можетъ довести современная беллетристика.

Кстати о „Нивѣ“. Въ одномъ изъ приложеній этого журнала было напечатано стихотвореніе тоже современнаго поэта г. Фруга: „Зеркало“. Приводимъ это стихотвореніе дословно:

О грядущемъ—ни намека,
О минувшемъ—ни слѣда...
Отражается всегда
Лишь обманчиво-глубоко
Съ ихъ зеркальной глубиной
Все въ очахъ лазурно чистыхъ:
И созрѣвшей страсти зной
И мерцанье грезъ лучистыхъ...
Подношу я этотъ даръ
Ей, холодной и прекрасной,
Не плѣнивъ мечтой напрасной
Мысли свѣтъ и сердца жаръ...

Журналъ „Развлеченіе“ напечатало это стихотвореніе снизу вверхъ въ слѣдующимъ видѣ:

Мысли свѣтъ и сердца жаръ,
Не плѣнивъ мечтой напрасной,
Ей, холодной и прекрасной,
Подношу я этотъ даръ.
И мерцанье грезъ лучистыхъ
И созрѣвшей страсти зной—
Все въ очахъ лазурно-чистыхъ,
Съ ихъ зеркальной глубиной,
Лишь обманчиво-глубоко
Отражается всегда...
О минувшемъ—ни слѣда,
О грядущемъ—ни намека...

Теперь слѣдуетъ вопросъ: потерпѣлъ ли отъ такой перестановки продуктъ поэтическаго творчества г. Фруга? Если нѣтъ, то..... догадывайся ужъ самъ, читатель.

Всякія бываютъ дѣла о клеветѣ и дифамаціи, но въ Елисаветполѣ, кажется, установленъ рекордъ смѣлости со стороны «опороченнаго». Въ одинъ и тотъ же день, въ одномъ и томъ же судѣ, судились: редакторъ «Тифл. Листка» за корреспонденцію о бывшемъ джеванширскомъ уѣздномъ приставѣ Рафибековѣ и тотъ же самый Рафибековъ за дѣянія, въ корреспонденціи о немъ изложенныя!

Редакторъ, конечно, былъ оправданъ и съ миромъ отпущенъ, а его обвинитель Мирза-бекъ Рафибековъ, обвиняемый въ разныхъ преступленіяхъ по должности, между прочимъ въ умышленномъ непринятіи мѣръ къ поимкѣ бѣглецовъ-разбойниковъ, свободно проживавшихъ въ ввѣренномъ Рафибекову уѣздѣ, и истязаніяхъ, приглашенъ сѣсть и сѣлъ на скамью подсудимыхъ.

Дѣло ужъ многимъ извѣстное, что привлеченіе къ отвѣтственности за клевету въ печати—обоюдоострое орудіе или палка о двухъ концахъ.....

Н.



СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Садовый и пчеловодный календарь

ЯНВАРЬ.

1) *Въ плодовомъ саду.* Осматривать тщательно всѣ плодовыя деревья и снимать кольца яичекъ кольчатаго шелкопряда, прикрѣпляемыя вокругъ годичныхъ побѣговъ, или срѣзывать эти послѣдніе вмѣстѣ съ означенными кольцами; снимать также всѣ замѣчаемыя на деревьяхъ гусеничныя гнѣзда и листья съ завернутыми въ нихъ куколками другихъ вредныхъ бабочекъ; все это сжигать въ печи. Утаптывать снѣгъ вокругъ стволовъ молодыхъ деревьевъ, дабы не могли пробраться къ нимъ мыши и погрызть кору. Стряхивать съ деревьевъ собирающійся на вѣтвяхъ массами снѣгъ послѣ обильнаго его выпаденія, такъ какъ отъ напора его могутъ обламываться сучья. Обставить и обвязать еловыми вѣтками стволы молодыхъ деревьевъ для защиты отъ зайцевъ, если ограда плоха и если раньше, въ октябрѣ—ноябрѣ, этого не сдѣлано; за неимѣніемъ еловыхъ вѣтокъ можно брать и другія,—это хорошо защищаетъ также кору отъ отмерзанія ея во 2-ю половину зимы на южныхъ сторонахъ. Осматривать ярлыки на сортовыхъ деревьяхъ, замѣнять стертые и вывѣтрившіеся; въ дни оттепелей—рѣзать черенки желаемыхъ сортовъ и дѣлать заказы на нихъ для зимней прививки и перепрививки, если эти работы предположены. Заказывать деревья и ягодные кустарники для весеннихъ посадокъ въ садъ, если таковыя не сдѣланы осенью; заготовлять колья для подвязки деревьевъ и, если надо, вывозить, навозъ въ садъ для удобренія.

2) *Въ плодовомъ питомникѣ.* Отпугивать зайцевъ выстрѣлами, собаками, утаптывать въ небольшихъ питомникахъ снѣгъ возлѣ деревьевъ отъ мышей и освобождать отъ заносовъ снѣгомъ. Очищать деревца отъ колецъ кольчатаго шелкопряда, гусеничныхъ гнѣздъ и сухихъ листьевъ, въ коихъ также закутаны куколки вредныхъ бабочекъ. Дѣлать заказы на черенки для предстоящихъ весеннихъ прививокъ въ питомникахъ. Заготовлять колышки для подвязки весеннихъ прививокъ въ питомникахъ. Заказывать сѣмена плодовыхъ деревьевъ для посѣва весной на дички.

3) *Въ огородѣ, овощномъ подвалѣ и на парникахъ.* Пересматривать овощи въ подвалахъ; заготовлять навозъ для парниковъ, складывая его небольшими кучами, чтобы не прѣлъ. Заготовлять соломенные маты для парниковъ. Устраивать паровыя гряды для спаржи и парники-теплички для самыхъ раннихъ выгонокъ. Ремонтировать парниковыя рамы и ящики. Дѣлать заказы на сѣмена для огорода и парниковъ. Вывозить навозъ на участокъ, назначенный подъ капусту. Гдѣ есть оранжереи и теплицы, можно приступить въ концѣ мѣсяца къ посѣву цвѣтной капусты въ переносные ящики или плошки, для заготовки разсады въ парники.

4) *По сѣменному хозяйству.* Очищать сѣмена, оставшіяся еще неочищенными (напр., сѣмена сосны и др. хвойныхъ въ шишкахъ и пр.). Осматривать время отъ времени мѣшки и посуду съ сѣменами, наблюдая, чтобы они не отсырѣли, не заплѣснѣвѣли или не подверглись бы нападенію сѣменного паучка или другихъ паразитовъ; при малѣйшемъ подозрѣніи относительно ихъ благосостоянія, провѣтривать, просушивать, почаще перемѣшивать. Производить провѣрку % всхожести болѣе сомнительныхъ сѣмянъ. Стратифицировать выписанныя и полученныя къ этому времени сѣмена косточковыхъ плодовыхъ деревьевъ и яблонь и грушъ, подвергать ихъ промораживанію, помѣстивъ въ стратифицированномъ состояніи въ безопасномъ притѣненномъ мѣстѣ, на открытомъ воздухѣ, подъ снѣгъ.

5) *Въ плодовомъ погребѣ.* Производить отборъ портящихся плодовъ, употребляя ихъ на варенья, пастилы и прочія приготовленія, дабы не пропали безъ пользы. Производить 1-ю переливку отстоявшихся молодыхъ плодовыхъ и позднихъ ягодныхъ винъ, не давая имъ долго оставаться на отстоѣ; вторично сливать съ отстоя вина болѣе раннія, разъ уже перелитыя.

6) Осматривать, ремонтировать и загототлять садовыя орудія, инструменты и приборы, необходимые въ хозяйствѣ. Запасать необходимые матеріалы,—замазку садовую, мочалу, ярлыки, краски, искусственные удобрительные туки и пр.

Примѣчаніе. Январь—мѣсяцъ наибольшаго затишья въ текущихъ садовыхъ работахъ; имъ необходимо воспользоваться для того, чтобы сдѣлать всѣ нужныя подготовленія къ правильному безостановочному производству всѣхъ очередныхъ работъ въ будущіе мѣсяцы.

Уходъ за пчелами въ этомъ мѣсяцѣ ограничивается лишь устраненіемъ причинъ, могущихъ ихъ обезпокоить, а также наблюденіемъ, чтобы пчелы, если ульи зимуютъ въ омшанникѣ, не пострадали отъ излишняго тепла.

Въ омшанникѣ самое лучшее держать температуру зимою вообще не свыше 2—3 градусовъ тепла по Реомюру; если же температура будетъ ниже, то и это не бѣда, лишь бы она не колебалась слишкомъ рѣзко и часто.

Если ульи зимуютъ на воздухѣ, то за ними необходимо наблюдать, чтобы летки ихъ не были занесены снѣгомъ и не обмерзли, вслѣдствіе выходящихъ изъ летковъ испареній, которыя, скапливаясь у летковъ, могутъ ихъ закупорить и тогда пчелы пострадаютъ отъ недостатка воздуха. Въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ, въ особенности отъ заноса снѣгомъ, полезно на зиму ульи предъ летками окутывать крупнымъ сѣномъ (напр., осокой), поверхность котораго отъ времени до времени перетрушиваютъ, въ особенности послѣ оттепелей и обледеницъ. Впрочемъ, если слой сѣна передъ летками достаточно толстъ (вершковъ 8—10), то подобное перетрушиваніе излишне, такъ какъ въ самомъ сѣнѣ запасъ воздуха будетъ достаточенъ чтобы предохранить пчелъ отъ удушенія.

Январь, февраль, а также и два предыдущихъ мѣсяца—самое свободное время у пчеловода. Въ теченіе этихъ мѣсяцевъ легко найти плотника или столяра, поэтому въ это время необходимо озаботиться о приведеніи въ порядокъ ульевъ и другихъ принадлежностей пчеловодства, а также о заготовкѣ новыхъ.

ВѢСТИ ИЗЪ ВОЛЖСКО-КАМСКАГО КРАЯ.

Ярославское общество любителей музыкальнаго и драматическаго искусства чествовало 15-го декабря поэта Л. Н. Трефолева по случаю исполнившагося сороколѣтія его литературной дѣятельности. Чествованіе, по словамъ «Сѣв Края», отличалось рѣдкой теплотой. Былъ между прочимъ прочитанъ рядъ стихотвореній юбиляра и исполнены музыкальные нумера. Въ тотъ же день г. Трефолевъ былъ почтенъ и какъ земскій дѣятель здѣшнимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, назначившимъ ему за 28-ми-лѣтнюю службу въ ярославскомъ губернскомъ земствѣ единовременную награду въ размѣрѣ тысячи рублей.

— Г. начальникъ самарской губерніи обратился въ думу съ предложеніемъ объ установленіи лучшей системы веденія городскихъ дѣлъ, предупреждая, въ случаѣ, если его предложеніе не будетъ выполнено, примѣнить административныя мѣры къ коренному переустройству всего городского хозяйства. Въ своемъ предложеніи онъ перечисляетъ массу погрѣшностей, замѣчавшихся въ практикѣ городского хозяйства за послѣдніе 2—3 года, причемъ, какъ на причину ихъ появленія, указываетъ на множество комиссій, созидаемыхъ думою для выполненія даже самыхъ несложныхъ дѣлъ. Начальникъ губерніи, между прочимъ, указалъ, что за послѣднее время бюджетъ города началъ неимовѣрно расти, благодаря налоговъ, между тѣмъ какъ со стороны городского управленія очень мало удѣляется вниманія общественнымъ нуждамъ. До настоящаго времени городъ не имѣетъ даже общественныхъ скотобоенъ, въ которыхъ ощущается необходимая потребность: частное дѣло имѣетъ невозможную организацію и своимъ неблагоустройствомъ оказываетъ большой вредъ санитарному состоянію города. Большинство городскихъ улицъ не имѣетъ мостовыхъ, между тѣмъ по главной Дворянской и прилегающей къ ней Панской улицамъ проводится электрическое освѣщеніе. Горожане сильно ропщутъ на бездѣятельность городского управленія, и, какъ плательщики городскихъ налоговъ, они въ правѣ ждать со стороны управы большаго вниманія къ своимъ нуждамъ.

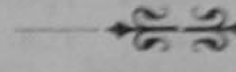
— Въ Спасскѣ имѣется начальная школа, находящаяся въ сиротскомъ положеніи. Школа эта именуется церковно-приходской и всѣми считается за таковую, но церковно-приходское попечительство открещивается отъ нея и увѣряетъ, что названіе „церковно-приходская“ къ школѣ этой прилагается неосновательно, что церковно-приходское попечительство и вообще епархіальное вѣдомство ея не открывало, а поэтому никакихъ средствъ на содержаніе ея не отпускаетъ и отпускать не будетъ. То же самое говорятъ и земство, и городъ, и бѣдная школа не знаетъ, къ кому обратиться съ своими нуждами. За послѣднее время у школы нѣтъ ни одного полѣна дровъ. Вообще въ школѣ было такъ холодно, что часто замерзали въ чернильницахъ чернила; въ первыхъ же числахъ декабря, когда стояли 20-градусные морозы и когда школа совсѣмъ не отапливалась въ теченіе трехъ дней, учительница волей-неволей принуждена была распустить школьниковъ и прекратить занятія. Раньше еще можно было терпѣть, въ сильные же морозы никакія согрѣванія окоченѣвшихъ членовъ дыханіемъ помочь не могли, и понятно, что при такихъ условіяхъ немыслимо было продолжать занятія.

Интересно знать, кто открылъ эту бѣдную школу, кто обязанъ содержать ее. .

Если дѣло будетъ продолжаться такимъ образомъ, то школа неминуемо должна прекратить свое существованіе; но допускать до этого нельзя, потому что въ Спасскѣ много дѣтей школьнаго возраста, и существованіе школы вызывается самой жизнью.

— Несмотря на то, что Казань называютъ умственнымъ центромъ сѣверо-востока Европейской Россіи, дѣло внѣшкольнаго просвѣщенія простого народа хромаетъ здѣсь на обѣ ноги. Лѣтъ 6—7 тому назадъ существовала здѣсь спеціальная комиссія по устройству народныхъ чтеній, въ числѣ членовъ которой было немало профессоровъ университета. Но вотъ устроенъ былъ отдѣлъ народныхъ чтеній при обществѣ трезвости, который завелъ сначала рѣчь о сліяніи съ комиссіей по устройству народныхъ чтеній, а затѣмъ вскорѣ поглотилъ ее. Дѣло постановки чтеній отъ этого безусловно проиграло, во-первыхъ, уже и потому, что члены общества трезвости нашли нежелательными участниками наиболѣе лучшихъ и энергичныхъ лекторовъ (напр., Сорокина, Штукенберга, Лаврскаго, геолога Нечаева и др.) и постарались при помощи разныхъ происковъ „выкурить“ ихъ.

Благодаря этому число посѣтителей быстро упало. Въ то время, какъ чтенія, устраиваемыя комиссіей, посѣщались сотнями человѣкъ, чтенія отдѣла общества трезвости едва привлекаютъ 2—3 десятка человѣкъ.



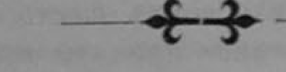
ПО РОССІИ.

ТИФЛИСЪ. Въ селеніяхъ пострадавшихъ отъ землетрясенія въ ахалкалакскомъ уѣздѣ, откопано до 800 труповъ. Пострадали тринадцать селеній, изъ коихъ шесть совсѣмъ разрушены. Экстренно приняты врачебныя мѣры. Раненые и увѣчные доставляются въ Ахалкалаки. Главноначальствующій сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ телеграфомъ трехъ тысячъ рублей тифлисскому губернатору въ Ахалкалаки на экстренные расходы и разрѣшилъ выдачу, въ предѣлахъ необходимости, пострадавшимъ ссуды изъ сельско-хозяйственнаго капитала, также выдачу хлѣба изъ запасовъ интендантскаго вѣдомства. 22 декабря въ Ахалкалакахъ было опять землетрясеніе.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ГУБ. Въ недавнее время стали возникать судебныя тяжбы, подъ названіемъ „мухоловныя“ дѣла противъ пчеловодовъ, вывозящихъ свои пасѣки на яровыя поля, во время цвѣтенія гречихи и другихъ медоносныхъ растеній. По этому поводу недавно поступило въ управленіе южно-русскаго общества пчеловодства ходатайство отъ пчеловодовъ-крестьянъ носовской и мринской волостей нѣжинскаго уѣзда, гдѣ они указываютъ на безвыходность положенія, вслѣдствіе возбужденія противъ нихъ мухоловныхъ дѣлъ, какъ за потраву цвѣта пчелами („мухой“). За пролетъ пчелъ на чужія поля налагается на пчеловодовъ волостными правленіями штрафъ, какъ за потраву, такъ какъ пчелъ, хотя и нельзя поймать, какъ ловятъ скотину, забравшуюся на чужіе посѣвы, но пчелы, несомнѣнно, собираютъ медъ съ чужихъ посѣвовъ, а, поэтому, штрафъ взыскивается по количеству ульевъ. Штрафъ налагаютъ отъ 5 до 20 р. и болѣе съ пасѣки, а при неуплатѣ штрафныхъ денегъ добровольно, продается, по словамъ жалобщиковъ, домашній скотъ съ публичныхъ торговъ. Правленіе общества пчеловодства, въ виду того, что пчелы своимъ посѣщеніемъ цвѣтущихъ чужихъ полей не только не приносятъ вреда, а напротивъ лишь способствуютъ урожаю, перенося оплодотворяющую пыль съ цвѣтка на цвѣтокъ,

признало цѣлесообразнымъ обратиться отъ имени общества съ просьбой къ г. губернатору черниговской губерніи оказать этой отрасли хозяйства защиту на будущее время оградить пчеловодовъ отъ обложенія ихъ мухоловными штрафами, отъ которыхъ не только пчеловодство можетъ пострадать, но вмѣстѣ и другія отрасли сельскаго хозяйства.

КАРСЪ. Въ ночь на 4-ое декабря воинскій поѣздъ, слѣдовавшій изъ Карса въ Тифлисъ, къ ужасу начальника станціи Джавдаръ и всѣхъ служащихъ, проскочилъ станцію съ скоростью 30 верстъ въ часъ навстрѣчу шедшему изъ Тифлиса въ Карсъ почтово-пассажирскому поѣзду. Страшное бѣдствіе казалось неминуемымъ, но по счастью стрѣлочникъ (въ сторону Тифлиса), замѣтивъ мчавшійся безъ остановки на станціи поѣздъ, заподозрилъ, что машинистъ спитъ, и швырнулъ въ него камнемъ. Предположеніе стрѣлочника оправдалось. Машинистъ дѣйствительно спалъ, но отъ полученнаго удара камнемъ проснулся и успѣлъ затормозить, а затѣмъ и вернуть поѣздъ заднимъ ходомъ на станцію. Тутъ же обнаружилось, что на тормазѣ находился только одинъ кондукторъ, но и тотъ спалъ. Остальная бригада покоилась въ вагонѣ 2-го класса, предназначенномъ для офицеровъ, сопровождающихъ новобранцевъ. Такимъ счастливымъ образомъ миновала грозившая катастрофа. Надо надѣяться, говоритъ *Кавказъ*, что управленіе закавказской желѣзной дороги достойнымъ образомъ наградитъ стрѣлочника, предотвратившаго своею находчивостью неминуемую катастрофу. Зовутъ этого молодца Байрамъ.



РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Предъ нами еще одинъ фактъ судебной ошибки. Пять лѣтъ тому назадъ въ казенномъ лѣсу тверской губерніи убитъ былъ сторожъ, и за это преступленіе сосланы въ каторгу на Сахалинъ крестьяне Судаковъ и Мутовкинъ. Затѣмъ, черезъ три года, другой крестьянинъ, Солонининъ, умирая, сознался, что дѣйствительнымъ убійцею былъ онъ, при чемъ разсказалъ всѣ подробности. Началось новое слѣдствіе. Сенатъ кассировалъ рѣшеніе суда и назначилъ разборъ дѣла вновь. Мутовкинъ и Судаковъ отправлены съ каторги обратно въ тверскую губернію, но послѣдній въ пути успѣлъ умереть, и до мѣста дошелъ одинъ Мутовкинъ.

— На Парижской всемірной выставкѣ, судя по поступившимъ заявленіямъ, будетъ достаточно полно представленъ отдѣлъ пчеловодства въ Россіи. Однимъ изъ видныхъ участниковъ этого отдѣла явится, между прочимъ, вятское губернское земство, которое готовитъ значительную коллекцію образцовъ пчеловодныхъ принадлежностей, изготовляемыхъ вятскими кустарями, преимущественно въ моделяхъ, а также образцы воска и искусственной вощины.

Виленская дума ассигновала 500 р. на покупку дровъ для раздачи бѣднымъ. Въ то же время городская управа собираетъ пожертвованія на этотъ предметъ и устроила на своемъ дворѣ складъ дровъ.

Кронштадтскій морской музей, по сообщенію „Пр. В.", недавно обогатился роскошною витриною, заключающею пожертвованные Государемъ Императоромъ предметы, поднятые со дна Чесменской бухты, послѣ 130-лѣтняго тамъ пребыванія. Посрединѣ, въ золоченой рамкѣ, прикрѣплена Собственноручная Его Величества рукопись, со словами: Петергофъ. Привожу въ даръ морскому музею нѣсколько предметовъ, найденныхъ въ Чесменской бухтѣ. *Николай*. Августъ 1899 года". По бокамъ рукописи Его Величества прикрѣплены двѣ золоченыя табличками съ описью пожертвованныхъ предметовъ. Всѣ вещи добыты съ погибшаго въ чесменскомъ сраженіи, въ 1770 г, корабля „Св. Евстафій Плакида".

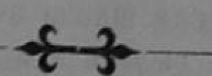
Въ «Одесск. Листкѣ» два столбца заняты описаніемъ выдающагося по своимъ бѣдствіямъ на морѣ плаванія парохода «Великая Княгиня Ольга; ему пришлось, какъ уже извѣстно, перенести ураганъ, какого на Черномъ морѣ не запомнятъ съ 1848 г. Среди злополучныхъ пассажировъ, кромѣ В. В Верещагина, находилось еще много интеллигентныхъ лицъ, въ томъ числѣ два французскихъ офицера, ѣхавшихъ изъ Батума во Францію чрезъ Одессу—баронъ де Ларножъ и графъ де Латейль,—врачъ, капитанъ коммерческаго судна и много др. лицъ. Извѣстно, что ураганъ загналъ пароходъ въ Синопъ.

Весь пароходъ превратился въ ледяную глыбу. На корпусѣ судна толщина льда доходила до 3-хъ футовъ. Снасти у мачты превратились въ ледяныя колонны громадныхъ размѣровъ. Палубы не было видно. Она покрыта была ледяной корой еще больше, чѣмъ на три фута толщины, такъ что полъ палубы дошелъ почти до уровня бортовъ.

Капитанъ, помощники его и команда похожи были на ледяныя статуи. Ихъ верхнее платье обледенѣло со всѣхъ сторонъ до того, что его нельзя было даже сбросить съ плечъ. Несчастной командѣ приходилось двигаться и работать подъ тяжестью этой ледяной коры. У капитана парохода г. Крыжановскаго отморожены были руки, раны на которыхъ не зажили еще до сихъ поръ. Оставить однако мостикъ и сойти внизъ нельзя было. Въ эту ночь никому нельзя было даже и думать о снѣ или о ѣдѣ. Малѣйшая неосторожность могла погубить пароходъ, а съ нимъ и 500 человѣкъ нашли бы себѣ смерть въ холодной пучинѣ разсвирѣпѣвшаго моря.

Паника доходила до того, что мужья и жены посадили возлѣ себя своихъ дѣтей о обнявшись, рѣшили не покидать другъ друга, пока холодныя волны не сомкнутся надъ ними. Картины эти растрогали остальныхъ пассажировъ и всѣ начали плакать. Одинъ изъ нихъ началъ нараспѣвъ читать молитвы. Всѣ опустились на колѣна, горячо внимали этой молитвѣ и тихо возносили Господу Богу свои просьбы о ниспосланіи имъ спасенія.

Знаменитый «атаманъ» Николай Ивановичъ Ашиновъ печально закончилъ свою шумную дѣятельность; онъ находится въ данное время въ одной изъ лечебницъ для душевнобольныхъ въ Москвѣ.



ОТКРЫТІЯ, НАУКА, ИСКУССТВО.

Нѣсколько дней тому назадъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что нашему соотечественнику проф. И И. Мечникову, состоящему нынѣ однимъ изъ главныхъ, если не главнымъ, дѣятелемъ въ парижскомъ институтѣ Пастера, удалось сдѣлать новое открытіе, обѣщающее въ будущемъ дать мощное средство къ обновленію старости, къ продленію жизни. Повидимому, впрочемъ, это открытіе значительно преувеличено газетными корреспондентами. Въ сущности дѣло сводится къ тому, что одинъ изъ учениковъ проф. Мечникова, Борде, убѣдился на опытахъ, что, если впрыснуть въ брюшную полость морской свинки кровь кролика и затѣмъ по прошествіи нѣкотораго времени впрыснуть обратно кровь этой свинки кролику, то послѣдній скоро здыхаетъ. Основываясь на этихъ опытахъ, проф. Мечниковъ пришелъ къ заключенію, что кровь свинки въ данномъ случаѣ вырабатываетъ какой то ядъ, который ослабляетъ энергію красныхъ кровяныхъ шариковъ у кролика, вслѣдствіе чего эти шарики погибаютъ отъ фагоцитовъ (бѣлыхъ амебоидныхъ клѣтокъ). Но если въ большомъ количествѣ этотъ ядъ дѣйствуетъ смертельно, то, по аналогіи съ другими ядами, можно предположить, что въ слабыхъ дозахъ онъ въ состояніи дѣйствовать благодѣтельно, способствовать размноженію и усиленію „благородныхъ" клѣтокъ въ данномъ случаѣ—красныхъ кровяныхъ шариковъ и тѣмъ способствовать ихъ побѣдѣ надъ клѣтками-плебейками. Дѣйствительно, впрыскивая кролику слабые растворы ядовитой крови свинки, онъ могъ убѣдиться что кроликъ не только не умиралъ, но получалъ большую жизнеспособность, и кубическій миллиметръ его крови, заключавшій до опыта 3 милліона красныхъ шариковъ 3—4 дня уже содержалъ ихъ въ себѣ до 8 милліоновъ. Отсюда—предположеніе, что пониженная жизненная дѣятельность можетъ быть повышена подобной прививкой, и что ходъ старческой атрофіи можетъ быть этимъ путемъ задержанъ. Съ другой стороны, кромѣ сыворотки крови, могутъ быть добыты сыворотки печени, почекъ, мозга, которыя могутъ оказывать подобное же возбуждающее и оживляющее дѣйствіе на соотвѣтственные имъ органы, а это способно будетъ значительно расширить область искусственнаго воздѣйствія на старѣющій человѣческій организмъ, естественный предѣлъ жизни котораго, можетъ быть, 200—250 лѣтъ. Прежде, однако, чѣмъ предаваться такимъ мечтамъ, необходимо убѣдиться, насколько такое средство „оживленія" способно быть благотворнымъ по отношенію къ старымъ особямъ животныхъ, а затѣмъ изслѣдовать, насколько оно примѣнимо у человѣка, и какая кровь будетъ обладать по отношенію къ нему такими благодѣтельными свойствами. Въ концѣ концовъ мы имѣемъ передъ собою только новый любопытный физіологическій фактъ, открывающій нѣкоторую возможность новыхъ открытій въ будущемъ, но не дающій еще покуда никакихъ основаній для построенія смѣлыхъ гипотезъ о продленіи человѣческой жизни. („Р. В.")



Война англичанъ съ бурами.

Въ теченіе минувшей недѣли на театрѣ военныхъ дѣйствій произошли три довольно важныхъ событія: вылазка англичанъ изъ Мефкинга, атака генерала Френча Коленсберга и штурмъ бурами Ледисмита.

Попытка гарнизона Мефкинга захватить одинъ изъ главныхъ фортовъ буровъ, окружающихъ городъ желѣзнымъ кольцомъ, какъ и слѣдовало ожидать, окончилась полнымъ пораженіемъ англичанъ. Въ произведенной ими 21 декабря вылазкѣ они изъ 1000 чел. потеряли болѣе 200. Эта неудача окончательно деморализовала защитниковъ Мефкинга и теперь они уже потеряли всякую вѣру въ свое освобожденіе.

Генералъ Френчъ съ половиной ввѣренной ему дивизіи предпринялъ походъ на г. Коленсбергъ и въ первое время успѣлъ сбить передовыя части буровъ. Это, конечно, дало

возможность англійскому генералу телеграфировать въ Лондонъ о якобы одержимой блестящей побѣдѣ. Съ своей стороны корреспонденты англійскихъ газетъ сообщили даже о взятіи Френчемъ Коленсберга. Между тѣмъ на другой же день выяснилось, что буры и не думали оставлять Коленсбергъ, а что, напротивъ, получивъ подкрѣпленія, они заставили Френча принять оборонительное положеніе.

Сейчасъ подъ Коленсбергомъ идутъ жаркія схватки. Генералъ Френчъ съ своей стороны также получилъ сильныя подкрѣпленія и надо думать, что онъ даромъ не оставитъ своихъ позицій.

Разсматривая наступленіе генерала Френча съ стратегической точки зрѣнія, нельзя не удивляться близорукости англійскаго генерала. Что онъ достигнетъ занятіемъ Коленсберга? Ровно ничего. Занявъ Коленсбергъ, Френчъ отдаляетъ свой лѣвый флангъ отъ Де-Аара и приближаетъ правый къ бурамъ... Другими словами, Френчъ какъ бы сознательно ставитъ себя въ положеніе лорда Метуэна... Между тѣмъ отъ дивизіи Френча зависитъ участь почти всей капской колоніи. Узнавъ, что Френчъ заперть въ Коленсбергѣ, африкандеры не замедлятъ поднять всеобщее возстаніе.

Итакъ даже и съ занятіемъ англичанами Коленсберга положеніе ихъ въ капской колоніи ничуть не измѣнится къ лучшему.

Наконецъ, буры не выдержали и 27 декабря штурмовали Ледисмитъ. Если вѣрить сообщенію генерала Буллера, буры были отбиты на всѣхъ пунктахъ и понесли при этомъ тяжкія потери.

Этого нужно было ожидать. При настоящихъ условіяхъ обороны, штурмы открытой силой рѣдко удаются, даже и европейскимъ регулярнымъ войскамъ, а буры, отлично дѣйствующія въ одиночку и управляющіе огнемъ при оборонѣ, но не имѣющіе холоднаго оружія и необладающія свойствомъ сомкнутости и необходимой дисциплины, свойственныхъ регулярнымъ арміямъ, естественно должны были потерпѣть неудачу. Успѣхъ ихъ несомнѣненъ при условіи обороны и въ войнѣ партизанской. Примѣняясь же къ настоящему положенію вещей на театрѣ войны, они, не должны были измѣнять разъ принятой ими и такъ удачно доселѣ примѣняемой тактикѣ: стратегически наступать, тактически обороняться.

Впрочемъ, попытка буровъ измѣнить этому единственно выгодному и возможному для нихъ способу веденія войны, заставить ихъ быть болѣе терпѣливыми и не рисковать потерею достигнутыхъ плодовъ кампаніи.

Неудачный штурмъ 24—25 декабря самъ по себѣ—не велика еще бѣда, но мы здѣсь должны считаться не съ потерями, а съ той нравственной стороной дѣла, которая можетъ оказать вліяніе на положеніе дѣлъ гораздо больше, чѣмъ даже потеря нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ въ выигранной битвѣ.

А такими битвами, какъ мы уже видѣли, для буровъ могутъ быть только оборонительныя битвы.

Военный.

СМѢСЬ.

Трансваальскія военныя игры. Офицеры Трансваальской арміи обучаютъ добровольцевъ полевой службѣ посредствомъ очень простого метода.

Офицеръ-инструкторъ, занимающійся военною подготовкой новобранцевъ, поступаетъ слѣдующимъ образомъ:

Онъ приказываетъ накрыть большой столъ скатертью. На этой скатерти онъ раскладываетъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ щетку, гдѣ кусокъ сукна, гдѣ сложенную рубашку.

Офицеръ такимъ образомъ набрасываетъ рельефно планъ предполагаемой мѣстности; для большей ясности онъ обозначаетъ на сукнѣ мѣломъ дороги, тропинки и пр.

Затѣмъ онъ раскладываетъ по сукну кусочки дерева разныхъ размѣровъ, которые, смотря по надобности, изображаютъ полкъ на бивуакѣ, пикеты, выставленные ротой, и даже одиночныхъ часовыхъ. Наконецъ, онъ еще обозначаетъ соломенками двойныя линіи форпостовъ.

Нѣкоторые офицеры, желающіе ознакомить своихъ учениковъ еще болѣе нагляднымъ образомъ, употребляютъ синія ленты для обозначенія на мѣстности рѣкъ, и куски зеленой матеріи, которыя должны представлять лѣса и кустарники, и маленькіе квадратики изъ дерева для обозначенія построекъ.

Такимъ образомъ трансваальскій инструкторъ, менѣе чѣмъ въ полчаса, импровизуетъ общепонятную рельефную карту какой-нибудь мѣстности и располагаетъ на ней части войскъ въ томъ самомъ видѣ, какъ это можетъ быть въ дѣйствительности.



Содержаніе № 1.



ОТЪ РЕДАКЦІИ
„НИЖЕГОРОДСКИХЪ ГУБ. ВѢДОМОСТЕЙ".

Съ 1-го января 1900 года неоффиціальная часть „Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостей" будетъ выходить еженедѣльно по такой-же обширной программѣ, какъ это было въ прошломъ 99 году. Въ эту программу войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Статьи по мѣстнымъ, общественнымъ, а также педагогическимъ, экономическимъ, санитарно-гигіеническимъ и др. вопросамъ.
2) Телеграммы (выдающіяся по своему содержанію) Россійскаго Телеграфнаго Агентства.
3) Вѣсти изъ столицъ.
4) Хроника городской, ярмарочной и губернской жизни.
5) Театральныя замѣтки.
6) Корреспонденціи.
7) Изъ газетъ и журналовъ.
8) Новости науки, литературы и искусства.
9) Фельетонъ: беллетристическія произведенія въ прозѣ и стихахъ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя произведенія, этнографическіе и историческіе очерки; научный фельетонъ и проч.
10) Иностранныя извѣстія.
11) Полезныя свѣдѣнія.
12) Смѣсь.
13) Справочный отдѣлъ.
14) Иллюстраціи.
15) Объявленія и рекламы.

„Нижегородскія Губ. Вѣдомости" будутъ выходить 1 разъ въ недѣлю, по средамъ, въ объемѣ отъ 10 до 20-ти страницъ. Подписная цѣна на неоффиціальную часть: съ доставкою на домъ въ Н.-Новгородѣ и пересылкой за годъ 4 руб., за $^1/_2$ года 2 руб. 50 к.; вмѣстѣ съ оффиціальною частью (полный нумеръ)— за годъ 6 руб., съ пересылкою и доставкою, за $^1/_2$ года 4 р.

Редакторъ неоффиціальн. отдѣла *Г. П. Демьяновъ.*

Адресъ редакціи: Кремль, губ. типографія.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПЬЕСЫ

всѣхъ авторовъ, русскихъ, малороссійскихъ, переводныя—современнаго и народнаго репертуара, а также историческія и ДѢТСКІЯ.

имѣется на лицо до 1000 пьесъ.

Между прочимъ пьесы А. Строева: 1) „Помирилъ" шут. въ 1 д. съ куплетами 50 коп., 2) „Женихъ на минуту"—или „Мщеніе особаго рода", святочная шут. въ 1 д. (однѣ женскія роли), 3) „Сонъ трагика" (великопостный сонъ трагика (почти вѣроятное происшествіе) ком. въ 1 д., 4) „Честное слово"—куплеты на современныя злобы дня, 5) „Роковое число" (проклятое число)—событіе одного дня въ 3 дѣйств. изъ чиновничьей жизни и др. того-же автора.

Пьесы продаются, отпускаются на прокатъ, новыя, и подержаныя (по желанію съ готовыми ролями). ЦѢНЫ ПЬЕСЪ отъ 10 КОП, до 2 р. 35 к. Высылаются по полученію задатка и наложнымъ платежомъ. Заказы телеграммами не принимаются.

Кромѣ того желающимъ высылаются руководства по устройству ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ—по выбору пьесъ и руководства драматическаго искусства, а также всѣ книги, касающіяся театра и драматическаго искусства.

Рекомендуются: переписчики пьесъ, режиссеры, суфлеры, декораторы, артистки и артисты и опытные преподаватели драматическаго искусства. Даются всевозможныя справки по устройству спектаклей. Покупка пьесъ (кромѣ рукописныхъ) и всякихъ книгъ касающихся театра и драматическаго искусства. На отвѣтъ прилагать почтовую марку. Личныя объясненія съ 5 ч. дня до 7 в. вечера. Подробные объявленія и каталоги высылаются по первому требованію безплатно и немедленно. Адресъ: Нижній-Новгородъ, Новая ул., д. Пономаревой, № 32, кв. № 5. Отдѣленіе газеты „Приложеніе" къ Вят. Губ. Вѣдомостямъ.

-16



13—5

ПИСЧЕБУМАЖНАЯ ФАБРИКА
П. Е. ЧАЙКА и П. К. КУЛИКОВА

въ Василь-Сурскѣ, Нижегородской губ.

Администрація въ Москвѣ: Средніе торговые ряды, № 175/6.

СКЛАДЫ БУМАГИ: въ Нижнемъ-Новгородѣ, домъ М. М. Рукавишникова и Нижегородской ярмаркѣ. Производитъ **продажу бумаги**: почтовой, писчей, газетной, рояльной, альбомной, оберточной и прочихъ сортовъ. Пакеты для сыпучихъ товаровъ. Конторскія книги и канцелярскія принадлежности.

Бумага хорошаго качества. Цѣны по фабричному прейсъ-куранту, недорогія: писчая № 8 отъ 80 к., № 7 отъ 1 р. 20 к., № 6 отъ 1 р. 75 к., № 5 отъ 2 р. 15 к., № 4 отъ 2 р. 45 к., почтовая отъ 2 р. 60 к. стопа.

Образцы и прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Т-ВА ПЕЧЕНКИНА И К°.

Нижній Базаръ, д. М. М. Рукавишникова, телефонъ № 158.

ПОКУПАЕТЪ И ПРОДАЕТЪ:

ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ, ПРОЦЕНТНЫЯ БУМАГИ, СЕРІИ И ИНОСТРАННЫЯ ДЕНЬГИ

ВЫДАЕТЪ ССУДЫ: подъ I заемъ . . . . . 270 руб.
„ „ „ II „ . . . . . 240 „
„ „ „ Дворянскій заемъ . 200 „
а подъ другія процентныя бумаги 10% ниже биржевой цѣны.

Принимаетъ на храненіе % бумаги, оплачиваетъ срочные купоны и всѣ тиражные билеты Государственнаго банка безплатно.

ВПРЕДЬ ДО ИЗМѢНЕНІЯ ПЛАТИТЪ:

По вкладамъ на 1 годъ . . . . . $5^1/_2$%
„ „ „ 6 мѣсяцевъ . . . $4^1/_2$ „
До востребованія и по текущему счету . $3^1/_2$ „

Страхуетъ выигр. билеты отъ тиражей погашенія.

Принимаетъ переводы денегъ на города, гдѣ есть конторы Т-ва, С.-Петербургъ, Казань, Саратовъ и Екатеринбургъ.

Всѣ иногороднія порученія исполняетъ въ точности.

Контора открыта съ $8^1/_2$ ч. утра до $3^1/_2$ ч. дня кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

16-й г. изданія.

Открыта подписка на 1900 г.

16-й г. изданія.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ

4 р. съ пересылк. и доставкою.

„ВОКРУГЪ СВѢТА".

4 р. съ пересылк. и доставкою.

50 еженедѣльныхъ иллюстрирован №№ въ годъ, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленные рисунки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Д. Н Маминъ-Сибирякъ, Вас. Ив. Немировичъ Данченко, Н. Н. Каразинъ, К. М. Станюковичъ. А. А. Осиповъ А. . Грепъ, Н. А. Чоглоковъ, Л. Ф. Черскій, В. Н. Свѣтловъ, В. І. Іорданъ, А. П. Смирновъ, П. П. Инфатьевъ, К. В. Носиловъ (извѣстн. путешеств.) и др.

Кромѣ того, годовые подписчики, при доплатѣ ОДНОГО РУБЛЯ получатъ **2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,** состоящія изъ 2-хъ большихъ художественныхъ картинъ (олеографій) размѣромъ $20^1/_4$ в. въ длину и $13^1/_2$ в. въ ширину, исполненныхъ въ 28 красокъ въ артистическомъ заведеніи бр. Кауфманъ въ Берлинѣ:

1) **„НАПОЛЕОНЪ ВЪ ПЛѢНУ У КАЗАКОВЪ"** (Эпизодъ изъ войны съ Наполеономъ).
Съ картины художника *МАЗУРОВСКАГО.*

2) **„ВЪ АББАСЪ-ТУМАНѢ".** (Замѣчательная климатическая станція въ Закавказьѣ)
Съ картины художника *КИСЕЛЕВА.*

Подписчики получатъ БЕЗПЛАТНО **12** ТОМОВЪ ежемѣсячныхъ приложеній,

КОТОРЫЯ БУДУТЪ ЗАКЛЮЧАТЬ СЛѢДУЮЩЕЕ:

1) ДВА ТОМА ДАНІЭЛЯ ДЕФОЕ въ совершенно полномъ переводѣ, безъ сокращеній съ превосходными иллюстраціями.

„РОБИНЗОНЪ КРУЗО".

1) **Четыре тома АЛЕКСАНДРА ДЮМА** въ полномъ переводѣ, со множествомъ рисунковъ,

„ТРИ МУШКЕТЕРА".

3) Въ шести томахъ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ

ГУСТАВА ЭМАРА.

Въ это собраніе войдутъ слѣдующіе романы въ полныхъ и точныхъ переводахъ.

1) Искатели слѣдовъ.
2) Степные разбойники.
3) Законъ Линча.
4) Флибустьеры.
5) Золотая горячка.
6) Курумилла.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя:

НА ГОДЪ съ 2 т. „Робинзонъ Крузо", 4 т. „Три мушкетера" и 6 т. Густава Эмара съ достав. и пересылк. **4 р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля и къ 1 іюля по 1 р.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Ильинскія вор., д. Титова.

Кромѣ того, подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Т-вомъ И. Д. Сытина.

Въ текстѣ журнала будетъ помѣщенъ новый романъ *Васил. Ив. Немировича-Данченко* „Сторожевые Огни". 5—5

КОМИССІОНЕРЫ и АГЕНТЫ,

желающіе имѣть значительный заработокъ, благоволятъ адресоваться подъ лит. Lohnender Ervérb an Haasenstein & Vogler, Budapest Dorotheengasse 9. (Австрія). 2—2

Управленіе сызрано-вяземской желѣзной дороги доводитъ до общаго свѣдѣнія, что *8-го января* 1900 года, въ 12 час. дня, въ помѣщеніи его въ г. Калугѣ, назначается конкурренція, посредствомъ подачи заявленій въ запечатанныхъ конвертахъ, на поставку для потребностей 1900 года, въ назначенные въ „Правилахъ участія въ конкурренціи" сроки слѣдующихъ матеріаловъ:

6590	шт.	бревенъ сосновыхъ разныхъ размѣровъ.	
31200	„	досокъ соснов. обрѣзн. „ „	или 101479 единицъ объема, при чемъ за единицу объема принята тесина размѣровъ 9 ар.×5×5/8 в.
52855	„	теса соснов. обрѣзн. „ „	
13970	„	пластинъ сосновыхъ „ „	
381180	„	шелевки сосновой „ „	

Означенные лѣсные матеріалы должны удовлетворять установленнымъ на дорогѣ техническимъ условіямъ. Лица, желающія принять участіе въ означенной конкурренціи, приглашаются подать о томъ не позже 12 час. дня *8 января* мѣсяца 1900 года свои заявленія вмѣстѣ съ цѣнами и къ заявленіямъ приложить подписанныя заявителемъ: 1) правила участія въ конкурренціи, 2) условія поставки и 3) техническія условія. Кромѣ сего заявленія должны быть обезпечены залогомъ въ размѣрѣ 10% отъ суммы предлагаемой поставки, каковой залогъ вносится порядкомъ, указаннымъ въ „Правилахъ участія въ конкурренціи". Экземпляры означенныхъ правилъ и условій, а также подробныя описи вышеуказанныхъ лѣсныхъ матеріаловъ по размѣрамъ таковыхъ желающіе могутъ получать почтой или лично во всѣ присутственные дни съ 10 часовъ утра до 4 час. дня въ управленіи дороги отъ начальника матеріальной службы. Тамъ же можно получать и всѣ необходимыя справки и разъясненія. 3—3.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Принимается подписка на 1900 годъ

на

ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ВЯТСКИМЪ ГУБ. ВѢДОМОСТЯМЪ

издаваемую по слѣдующей программѣ:

I. Статьи по общественнымъ вопросамъ.
II. Телеграммы.
III. Внутреннія извѣстія.
IV. Хроника.
V. Городская жизнь.
VI. Судебная хроника.
VII. Заграничныя извѣст.
VIII. Научныя извѣстія.
IX. Объявленія.

Газета выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Подписная цѣна на газету съ теллеграммами съ доставкой и пересылкой: на годъ 5 руб., на полгода 3 рубля, на 2 мѣсяца—1 рубль, на 1 мѣсяцъ—50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Ваткѣ, въ редакціи „Приложенія" (зд. Губернскаго Правленія), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ губерніи.

Отдѣленія газеты имѣются въ городахъ: Нижнемъ-Новгородѣ, Пеоми, Златоустѣ, Сарапулѣ, Уржумѣ, Ноликскѣ, Слободскомъ, Котельничѣ, Малмыжѣ, Елабугѣ, Глазовѣ, Яранскѣ и Орловѣ.

3—3. Редакторъ **Н. ОЗЕРОВЪ.**



Дозволено цензурою. Нижегородская губернская типографія. Редакторъ Г. П. Демьяновъ.